

№ 3

2016

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
Д. С. ЛИХАЧЕВ: ЭКОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

16+

№ 3

(7)

2016

16+

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 14.09.2016
Размещен в сети Интернет: 29.09.2016

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

ЧУМАЧЕНКО

Виктор Кириллович,
кандидат филологических
наук, профессор,
старший научный сотрудник
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия
БУЕВА Людмила Пантелеевна	действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия
МИРОНОВ Арсений Станиславович	кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА
Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА
Анна Иосифовна

доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА
Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА
Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА
Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА
Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР
Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА
Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО
Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ
Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ
Борис Шаликович

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскир г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.3

(7)

2016

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
„Native traditions“

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times per year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

office 28, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of
the Editors, Editorial Board or the
Publications Council.

Imposed on September 14, 2016
Published online September 29, 2016

The Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**The Deputy Editor-
in-Chief**

Viktor K. **CHUMACHENKO**

Cand. Sci. (Theory of
Literature), Prof., Senior
Researcher, Southern Branch,
Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

EDITORIAL BOARD

- Vitaliy V.
BONDAR
Cand. Sci. (National History), Head, Department of Expert and Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Olga I.
BYCHKOVA
Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department of Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Aleksandr A.
GUTSALOV
Cand. Sci. (History of Philosophy), Senior Researcher, Department of Expert and Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Anna N.
EREMEEVA
Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Natalya A.
KOSTINA
Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Vladimir E.
NAUMENKO
Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department of Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia
-

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh. AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Science; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Aleksandra O. ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia
Lyudmila P. BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia
Shakhrudin A. GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Vadim P. DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Moscow, Russia
Aleksandr A. KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russia
Irina V. KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russia
Oleg V. MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia
Arseniy S. MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Director, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia
Oleg P. NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Adviser to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russia
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russia
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russia
Irina G. KHANGEL'DIEVA	Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russia

PUBLICATIONS COUNCIL

Evgeniy P.

CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order «For Merit to the Fatherland» 3rd and 4th Classes, Moscow, Russia

Anna I.

SHCHERBAKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena

ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh.

CHOLARIYA

Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Cecylia Malgorzata

DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Arkadiy I.

DZHOPUA

Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Kapil

KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New-Dehli, Republic of India

Christian John

MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, The History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos

PATIÑO

Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala

PRABHAKARA RAO

Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin

SALAMZADE

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K.

ZANTARIA

Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

«Д. С. ЛИХАЧЕВ: ЭКОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА»

(РЕДАКТОР О. И. БЫЧКОВА)

Колонка главного редактора	13
Д. С. ЛИХАЧЕВ: ЭКОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА	15
<i>С. В. Рыжова</i> Истоки формирования личности и научных интересов Д. С. Лихачева	15
<i>О. И. Бычкова</i> Д. С. Лихачев о взаимосвязи ценностей, экономики и культуры	24
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ	31
<i>Н. Г. Ловпаче</i> Культурно-исторические объекты закубанской ветви Великого шелкового пути	31
<i>Б. М.-Г. Харсиев</i> Средневековая архитектура горной Ингушетии на великом торговом пути: проблемы практического сохранения и использования древнего наследия	39
<i>В. Е. Науменко</i> Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX века)	44

НАШЕ НАСЛЕДИЕ: МУЗЕИ ЮГА РОССИИ	61
<i>Т. В. Юрченко, Н. А. Корсакова, Б. Е. Фролов</i> Реликвии Кубанского войскового музея – коллекция серебряных китайских украшений периода династии Цин	61
<i>Ж. М. Аннаева</i> Из истории кадрового обеспечения музеев Кабардино-Балкарии	67
<i>М. Г. Плиева</i> Ю. Н. Либединский и Кавказ. К истории одного портрета	74
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	80
<i>И. Ю. Васильев</i> Вечное послесказание	80

CONTENTS

THE SPECIAL THEME OF THE ISSUE:
«DMITRY LIKHACHEV:
ECOLOGY AND CULTURE»
(EDITOR - OLGA I. BYCHKOVA)

Editorial	13
DMITRY LIKHACHEV: ECOLOGY AND CULTURE	15
<i>Svetlana V. Ryzhova</i> The Origin of the Formation of Personality and Scientific Interests of Dmitry Likhachev	15
<i>Olga I. Bychkova</i> Dmitry Likhachev on the Relationship of Values, Economy and Culture	24
HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS OF THE SOUTH OF RUSSIA	31
<i>Nurbiy G. Lovpache</i> Cultural and Historical Objects of the Trans-Kuban Branch of the «Silk Road»	31
<i>Boris M.-G. Kharsiev</i> Medieval Architecture of the Mountainous Ingushetia on the Great Trade Route: Problems of Practical Preservation and Use of the Ancient Heritage	39
<i>Vladimir E. Naumenko</i> Activity of the Kuban Historians on the Protection of the Region's Cultural Heritage in the 19th — the Early 20th Century	44

OUR HERITAGE: THE MUSEUMS OF THE SOUTH OF RUSSIA 61

Tatyana V. Yurchenko, Natalia A. Korsakova & Boris Ye. Frolov

Relics of the Kuban Troop Museum:
the Chinese Silver Jewelry Collection
of the Qing Dynasty Period 61

Zhauhar M. Appaeva

From the History of Staffing in the Museums of Kabardino-Balkaria 67

Margarita G. Plieva

Yury N. Libedinsky and Caucasus: to the Story of a Portrait 74

BOOK REVIEWS: CRITIQUE AND SURVEYS 80

Igor Yu. Vasilyev

Eternal Epilogue 80

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА EDITORIAL

Дорогие друзья!

Здание национальной культуры не может быть прочным, если в качестве его несущих опор и колонн не выступают безупречные авторитеты, выдающиеся мыслители своего времени, выразители дум и чаяний всего народа. Российская культура XX столетия вобрала в себя и тиранобочество А. Солженицына, и гуманистические устремления А. Сахарова, и абсолютный слух и нетерпимость к фальши М. Ростроповича. Но даже на этом блистательном фоне едва ли не ярче всех сияет имя гениально-го ученого, блистательного публициста, философа и провидца Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Д. С. Лихачева уже при жизни называли человеком-эпохой. Осенью 2016 г. исполнилось 110 лет со дня его рождения. Судьба отмерила ученому долгий срок земного существования, но это был путь, усеянный не цветами, а терниями. Он вобрал в себя и семейную память о вековых гонениях на старообрядцев, к которым относились его предки, тяготы Гражданской войны, юность, проведенную Соловецком лагере особого назначения, подневольное участие строительство Беломор-канала и жизнь в блокадном Ленинграде. Будучи уже весьма пожилым человеком, он стал не только свидетелем, но активным участником событий 1990-х гг., выступая полпредом российской культуры. И Бог знает, какими потерями обернулись для нее те буреломные годы, если бы не пламенное слово в защиту отечественных духовных святынь патриарха отечественной словесности!

Для кого-то перенесенные в жизни тяготы и лишения послужили бы удобным оправданием несостоявшейся карьеры и скудного научного багажа, а он из каждого испытания сумел вынести для себя драгоценный жизненный опыт и даже собрать материал для будущих научных исследований. Так первые его научные работы оказались посвященными картежным играм уголовников и их языку. Но из начинающего криминолога вскоре вырос уникальный текстолог-литературовед, непревзойденный чтец и интерпретатор древних славянских рукописей, их вдумчивый комментатор и транслятор русской национальной идеи для наших современников в том ее первоизданном виде, какой она запечатлелась в наших летописях и сочинениях зачинателей отечественной словесности.

Д. С. Лихачевым и его учениками подготовлены к изданию многотомные серии памятников древнерусской письменности, «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». «Слово...» Дмитрий Сергеевич всегда носил с собой, подчёркивая, что в ней

«достигли своего весеннего цветения лучшие стороны русской культуры». Его изучению он посвятил себя на протяжении нескольких десятилетий.

Научные заслуги Д. Лихачева велики и многообразны. Проблемы возникновения и развития художественного слова на Руси блестяще решены им в научных трудах «Возникновение русской литературы» и «Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили». Исследования «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Повести о Петре и Февронии», «Повести о Горе-Злосчасти», «Хождения за три моря» Афанасия Никитина составили основу книги «Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси». Отечественной историографической традиции посвящены его «Русские летописи и их культурно-историческое значение». Классикой научной прозы стали работы Дмитрия Сергеевича «Человек в литературе древней Руси» и «Поэтика древнерусской литературы». Труды Лихачева легли в основу новой научной дисциплины – исторической поэтики, а его обобщающая работа «Текстология» является основной для изучения и преподавания этой науки во всех славянских странах.

А еще он был патриотом своей страны. Слово ученого вдохновляло бойцов в годы Великой Отечественной войны. Его книгу «Оборона древнерусских городов», написанную в соавторстве с М. А. Тихановой, раздавали для чтения солдатам, идущим завтра в бой. Сегодня огромное воспитательное значение для молодого поколения имеют «Воспоминания» Д. С. Лихачева, его публицистические и научные статьи, собранные в книгах «Прошлое будущему», «Заметки о русском», «Русская культура». В них простым и доступным языком он говорит об очень важных вещах, адресуясь к каждому русскому. Его часто спрашивали, что значит быть русским, интеллигентным и образованным человеком, и он не уставал повторять, что интеллигентный человек – это не тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, знает несколько языков, что «можно иметь все это и быть неинтеллигентным, и можно ничем этим не обладать в большой степени, а быть все-таки внутренне интеллигентным человеком. Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – созданием нового и осознанием старого как нового... Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого».

Член Австрийской, Британской, Итальянской, Гёттингенской академий, Кавалер Ордена Святого Константина Великого, в истории отчизны и в памяти миллионов людей он остается неутомимым просветителем, отважным хранителем и непревзойденным толкователем всего нашего национального культурного Наследия. На фотографиях последних лет Дмитрий Сергеевич Лихачев выглядит, словно вековой дуб, испещренный морщинами времени, могучий и непобедимый, как наш народ. Спокойным просветленным взором пронзает великий ученый тысячелетие русской цивилизации, но взгляд его направлен не только в прошлое, но и в будущее, ради которого он неустанно трудился. И потому сегодня он остается с нами, остается своими мудрыми мыслями об истинном и ложном патриотизме, о высоком предназначении интеллигенции, о роли русского языка, книжности и учености в становлении и судьбе России как многонационального, веротерпимого, просвещенного и высококультурного государства, общего дома для всех населяющих ее народов.

**С уважением,
Ирина Горлова**

Д. С. ЛИХАЧЕВ: ЭКОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

РЫЖОВА Светлана Валерьевна
кандидат культурологии,
доцент кафедры иностранных языков для инженерных направлений
Сибирского федерального университета
Красноярск, Россия
Svetlana V. RYZHOVA
Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Department of Foreign Languages for Engineering Science
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
rsv67x@mail.ru

Истоки формирования личности и научных интересов Дмитрия Лихачева

The Origin of the Formation of Personality and Scientific Interests of Dmitry Likhachev

В статье анализируются субъективные и объективные факторы, повлиявшие на мировоззрение и становление научных интересов Дмитрия Лихачева, а также причины востребованности его учения. Личность ученого сформировалась в контексте высших проявлений российской культуры, научного мышления и поиска. Классическое образование, общественно-политические взгляды и сфера научных интересов позволили сделать Лихачеву значительный вклад в развитие отечественной культуры. Идеологическая цензура советского государства не смогла предотвратить «народнения новой интеллигенции» в стране, а Лихачев стал ее духовным лидером. Ученый зарекомендовал себя как безупречно честный человек, обладающий незапятнанным научным авторитетом. Поэтому его воззвания в защиту тех или иных культурных ценностей, равно как и протест против той или иной формы варварства, воспринимались большинством современников как воплощение исторической справедливости.

Ключевые слова: Дмитрий Лихачев, вклад, представитель, научные интересы, учения, личность, русская культура, историческая справедливость.

In the article the subjective and objective factors which influenced Dmitry Likhachev's world view and helped to form his scientific interests are analyzed. It also explains why his heritage are in demand nowadays. The personality of the scientist was formed in the context of the highest expressions of the Russian culture and scientific research. Due to his classical education, social and political views and scientific interests Likhachev has made a significant contribution to the development of national culture. Ideological censorship of the Soviet state could not prevent the «springing up of a new intelligentsia» in the country, and Likhachev became its moral leader. The scientist has proved himself as a perfectly honest person with unblemished scientific authority. Therefore, Likhachev's contemporaries felt his appeal in defense of particular cultural values as the embodiment of historical justice as well as his protest against one or another form of barbarism.

Keywords: Dmitry Likhachev, contribution, representative, scientific interests, teachings, personality, Russian culture, historical justice.

Каждая культура создает тип человека, чье поведение предопределено системой культурных кодов, тем не менее, каждый человек обладает определенной свободой выбора своей модели поведения, в результате реальная человеческая жизнь многомерна и противоречива.

Председатель Российского фонда культуры, дважды лауреат Государственной премии, Герой Социалистического труда, ученый, общественный деятель, исследователь древнерусской литературы, текстологии, действительный член Российской Академии наук, почетный член восьми зарубежных академий и университетов Дмитрий Сергеевич Лихачев пережил все, что пережила Россия в прошлом столетии. Ученый был всегда в резонансе со своим временем, что нашло адекватный ответ в его индивидуальной биографии [5, с. 6].

Принимая во внимание полученное классическое образование и личную одаренность Д. С. Лихачева, о нем можно сказать, что он был личностью, сформировавшейся в контексте высших проявлений российской культуры научного мышления и поиска. Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды.

Особую роль в социально-культурном становлении личности играют детство и молодость, период формирования ценностных позиций и интересов. Детство Д. С. Лихачева пришлось на короткую пору в истории русской культуры, названную Серебряным веком. Критик С. К. Маковский в воспоминаниях «На Парнасе Серебряного века» определял тип культуры этой поры как «стремление к запредельному», «искание высшей правды», как «мятежное, богоищущее, бредившее красотой» искусство.

Ранние годы Дмитрия Сергеевича проходили в атмосфере праздника, благодаря увлечению родителей мариинским балетом. С четырехлетнего возраста он посещал театр. Любовь к классической музыке сохранилась у него на всю жизнь. Живое общение с молодежно-артистической средой, в которую входили многие знаменитые художники, актеры, писатели оставило яркое воспоминание о детстве.

Летом семья обычно снимала дачу в Куокалле (с 1948 г. Репино) – небольшой дачный поселок на побережье Финского залива в 42 км от Санкт-Петербурга. Жила там преимущественно творческая интеллигенция: И. Е. Репин, К. И. Чуковский, Ф. И. Шаляпин, В. В. Маяковский, М. Горький и другие известные деятели культуры и искусства. Дачи укрепляли здоровье, способствовали развитию оптимизма и интереса к людям.

Многое в своих энциклопедических гуманитарных интересах Лихачев объяснял творческой ролью школ, в которых он обучался. Сначала Дмитрий учился в Гимназии Человеколюбивого Общества (1914 – 1915), потом – в гимназии и реальном училище К. И. Мая (1915 – 1917), в школе имени Л. Лентовской (1918 – 1923). Уже перешагнув восьмидесятилетний рубеж, Д. С. Лихачев писал, что человека создает средняя школа, высшая дает специальность. Несмотря на тяготы революционного времени и на значительные материальные трудности, талантливым педагогам удалось создать в учебных заведениях атмосферу сотрудничества учителей и учеников. В школах действовали кружки, на заседания которых приходили известные ученые и литераторы. Это время для Д. С. Лихачева связано с началом серьезных размышлений над мировоззренческими вопросами и продумыванием собственной философской системы.

Частые споры и поощрение собственного мнения в школе приводили к стремлению сохранять самостоятельность во вкусах и взглядах. «Учитель словесности» Л. В. Георг, обладавший «всеми качествами идеального педагога», оставил в мировоззрении Дмитрия значительный след умением «ценить искусство по-европейски» [3, с. 141]. Увлекаясь разными художниками, писателями, поэтами, композиторами, Георг научил замечать «недоделки» в самых известных произведениях живописи, скульптуры, музыки, поэзии, делая это так, что интерес учеников к искусству только возрастал. Именно Л. В. Георг определил филологический путь Лихачева.

Большую роль в формировании представлений Дмитрия Лихачева о России, о фольклоре, о деревянной архитектуре, о красоте русской северной природы сыграла двухнедельная школьная экскурсия по Мурманской

железной дороге в Мурманск, возвращение на паровой яхте в Архангельск вокруг Кольского полуострова по Белому морю, затем на пароходе по Северной Двине до Котласа. «Путешествовать нужно по родной стране как можно чаще. Школьные экскурсии устанавливают и добрые отношения с учителями, вспоминаются потом всю жизнь» [3, с. 133].

Немаловажную роль в становлении ученого-гуманитария сыграло избрание его отца заведующим электростанции Первой государственной типографии и переезд на казенную квартиру при типографии, что обусловило раннее знакомство Дмитрия с издательским и типографским делом.

Большое значение для будущего филолога имело пребывание в доме Лихачевых уникальной библиотеки известного литератора И. И. Ионова. Дмитрий увлекся чтением, его заинтересовали «...редчайшие издания XVIII века, собрания альманахов, дворянские альбомы, роскошнейшие юбилейные издания Данте, издания Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской бумаге, рукописное «Путешествие из Петербурга в Москву».

Период 1920-х годов в истории советской культуры был, несмотря на диктаторский, милитаристский стиль управления ею со стороны коммунистической партии, временем расцвета. Вместе с политикой НЭПа появилась своеобразная формула «равновесия»: культурный плюрализм в условиях политической диктатуры.

Начавшиеся репрессии против интеллигенции не помешали расцвету гуманитарных наук в стране. Выбрав филологию своей будущей профессией, Д. С. Лихачев поступает на этнологическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, который оканчивает написанием двух дипломных работ: «Шекспир в России в XVIII веке» и «Повести о патриархе Никоне». Д. С. Лихачев отмечал, что Ленинградский университет в 1920-е гг. по гуманитарным наукам был лучшим в мире. «Такого созвездия ученых – литературоведов, лингвистов, историков, востоковедов, какое представлял собой Ленинградский университет в 20-е гг., не было в мире» [3, с. 153]. Там он прошел солидную школу у профессоров В. Е. Евгеньева-Максимова (работа с рукописями), Д. И. Абрамови-

ча (древнерусская литература), В. В. Введенского (логика), В. М. Жирмунского (поэзия), В. В. Виноградова, В. Ф. Шишмарева, слушал лекции Б. М. Эйхенбаума, В. Л. Комаровича. Занимаясь на пушкинском семинаре профессора Л. В. Щербы, освоил методику «медленного чтения», из которой впоследствии выросли его идеи «конкретного литературоведения». Из философов, оказавших на него в то время влияние, Дмитрий Сергеевич выделял «идеалиста» С. А. Аскольдова. В то время Лихачев мало знал о действительных заслугах Аскольдова перед русской культурой. В ученом его восхищало умение спорить при людях, не боясь уронить свое достоинство и достоинство того, с кем спорили.

Свое будущее Д. С. Лихачев всегда связывал с наукой. Одна из родственниц Дмитрия Сергеевича утверждала: «Для него единственной профессией, которую мог выбрать приличный человек, была научная деятельность. Вся его жизнь была посвящена одной цели, причем с ранней юности» [2, с. 184]. К древнерусской литературе Дмитрий Сергеевич обратился еще в университете, считая ее мало изученным художественным явлением в литературоведческом отношении. «Кроме того, Древняя Русь интересовала меня и с точки зрения познания русского национального характера. Перспективным мне представлялось и изучение литературы и искусства Древней Руси в их единстве. Очень важным казалось мне изучение изменений стилей в древней русской литературе. Мне хотелось создать характеристики тех или иных эпох вроде тех, что имелись на Западе – особенно в культурологических работах Эмиля Золя» [3, с. 152-153].

На последних курсах Дмитрий Сергеевич подрабатывал в Книжном фонде на Фонтанке, составляя библиотеку для Фонетического института иностранных языков (так называет в своих воспоминаниях Д. С. Лихачев Фонетический институт практического изучения иностранных языков, располагавшийся по адресу Невский пр., 13. В то время институтом руководил специалист по английской фонетике Семен Карлович Боянус – прим. С. Р.). Здесь Д. С. Лихачев столкнулся с подбором редких книг, реквизируемых из частных собраний, невосстребованных новым строем. Именно тогда Д. С. Лихачев впервые проникся пониманием тра-

гических судеб культурного наследия в свете политических событий. Не случайно первые студенческие научные работы Д. С. Лихачева были обращены к культурному наследию России–Руси: официальная дипломная работа Лихачева была написана о Шекспире в России 18 в., вторая «неофициальная» – о патриархе Никоне.

Культурная и интеллектуальная жизнь России того времени происходила на фоне массовых преследований, арестов и расстрелов. Достигнутое после завершения гражданской войны «мирное сосуществование» различных социокультурных течений и культурно-политических тенденций оказалось недолгим. С конца 1920-х гг. в стране преследуется любой плюрализм, под лозунгом консолидации культурных сил распускаются литературные и художественные группировки, научные и философские общества. Область «дозволенного» в культуре ограничивалась борьбой с буржуазной идеологией, пережитками дореволюционного прошлого, религией.

Гонения на Церковь приводили к усилению религиозности среди образованной молодежи. Литературно-философские кружки, существовавшие до 1927 г. в Ленинграде, стали приобретать религиозно-философский характер. Д. С. Лихачев в двадцатые годы посещал кружок Хельфернак («Художественно-литературная, философская и научная академия»), заседания проходили на квартире преподавателя И. М. Андреевского. В 1927 г. кружок преобразовали в Братство святого Серафима Саровского.

Свободная философия и религия становились запретными, неофициальными. Результатом участия в кружках стал арест Дмитрия Сергеевича Лихачева в 1928 г. и отправка в Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОН, «второй и главный университет» ученого. Помимо создания «контрреволюционной организации», его обвиняли за научный доклад, критиковавший советскую реформу русской орфографии.

Соловецкий монастырь, основанный преподобными Зосимой и Савватием в XIII в., в 1922 г. был закрыт и превращен в лагерь, где отбывали срок до 650 тысяч заключенных, из них 80% составляли политические ссыльные и «контрреволюционеры».

В лагере будущий академик работал пильщиком, грузчиком, электромонтером, коровником, жил в бараке в антисанитарных условиях, умирал от тифа. «Я не мог поверить, что кошмар этот происходит наяву» [3, с. 193]. Перенести трудности помогала молитва, поддержка друзей. Благодаря помощи епископа Виктора (Островидова) и протоиерея Николая Писканского, ставшего на Соловках духовным отцом Д. Лихачева и его товарищей по братству святого Серафима Саровского, удалось уйти с изнурительных общих работ в Криминологический кабинет, занимавшийся организацией детской колонии. На новой работе появилась возможность много сделать для подростков, проигравших в карты всю одежду с себя, живших в бараках под нарами и обреченных на голодную смерть. В Трудколонии будущий ученый анкетировал подростков, изучая язык, «менталитет» воровского мира, русскую криминальную культуру. Из этих записей и наблюдений родились первые научные труды Лихачева – статья «Картежные игры уголовников», работа «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [4].

Укрепив свое общественное положение на Соловках, Дмитрий Сергеевич помогал вывозить из Пересыльного пункта многих представителей интеллигенции, обреченных на медленное уничтожение.

В заключении Лихачев общался с такими людьми как А. А. Мейер, Ю. Н. Данзас, Г. О. Гордон, П. Ф. Смотрицкий, В. С. Раздольский, А. А. Пешковский, В. Ю. Короленко, Э. К. Розенберг, Г. М. Осоргин. С ними он прошел школу «взаимообучения» [3, с. 190]. Общение со старшими людьми из интеллигенции оказало значительное влияние на формирование мировоззрения Д. С. Лихачева. Он не проходил с ними курсы, но знакомился с их жизненным опытом и получал разнообразные сведения из разных областей науки, философии и поэзии. «Если бы все можно было записать, – какие великолепные беседы, дискуссии, просто споры, рассказы, рассуждения были бы сохранены для русской культуры» [3, с. 297].

Высоким образцом духовности и оптимизма для Д. С. Лихачева стал владыка Виктор Островидов, который символизировал

своими поведением и судьбой подвижничество и мученичество православного духовенства, репрессированного советской властью.

В беседах с Александром Мейером на Соловках Д. С. Лихачев пришел к мысли, с которой через шестьдесят лет в 1989 г. выступил в Гамбургском Национальном обществе относительно необходимости положить в основу экологии как науки идею предшествования целого части. Экология как наука, по мнению ученого, должна, прежде всего, изучать взаимосвязь всего в мире. Мир как целое и мир как Слово, как идея. Человек ответственен за разрушения взаимосвязей в мире – материальных, духовных. Эту мысль Д. С. Лихачев положил в основу своей концепции Предвозрождения на Руси и книги «Поэзия садов», где стили в садово-парковом искусстве отождествил со стилями культуры (Готика, Ренессанс, Барокко, Рококо, Классицизм, Романтизм, Реализм...). В пределах сходных идей развивались его литературоведческие взгляды, понимание действительности и понимание человеческой культуры. «Восприятие мира формируется всю жизнь, и характер его отчетливо сказывается как в научной методологии, так и в научном поведении» [3, с. 300].

Наблюдая за антиномичностью русского национального характера, ярко манифестируемой различными слоями общества в Соловецком лагере, Д. С. Лихачев никогда не идеализировал «русское» и не принижал его. Наряду с открытостью русского человека он отмечал его замкнутость, наряду со щедростью – жадность, рядом со свободолюбием – рабскую покорность.

Поручение составить опись икон Соловецкого Музея много дало будущему ученому для понимания древнерусского искусства. «Многие иконы, которые теперь хранятся в Музее в Коломенском, мне знакомы, например, большая византийская икона, которую называли «Нерушимая скала». Был там и «Нерушимый Спас» Симона Ушакова и др. Все это я рисовал и писал на бумаге из школьных тетрадей...» [3, с. 274]. Д. С. Лихачев окончательно укрепился в своем научном интересе к отдаленному прошлому русской культуры.

Позже Дмитрий Сергеевич писал, что пребывание на Соловках было для него одним из самых значительных периодов жизни.

Судимость и подорванное на Соловках здоровье долго мешали устройству Лихачева на работу. Культурно-политическая линия советской власти данного периода характеризовалась декретивными запретами в отношении печати, научных и философских обществ, культурно-просветительных и художественных мероприятий, а также введением политической цензуры Главлита. Культурное, классическое наследие для большевистской идеологии утратило свою актуальность, воспитательную ценность, поскольку оно не служило фундаментом для построения социалистического общества, оказывая политическое, социальное, идеологическое воздействие, противоположное политике партии. Вернувшись в родной город, Д. С. Лихачев отметил «настоящее оскудение мысли в Ленинграде, ... все жили в одиночку, боялись говорить и даже думать» [3, с. 396].

В должности научного корректора Издательства АН СССР Д. С. Лихачев начал работу в Академии наук в 1934 г. Как корректор Дмитрий Сергеевич участвовал в подготовке к печати второго тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» (1935) – издания, важного для развития отечественной медиевистики, снискавшего мировую известность во многом благодаря тому, что с одиннадцатого тома и до пятьдесят второго Д. С. Лихачев являлся его ответственным редактором.

Чтение книг Библиотеки Академии наук способствовало дальнейшему формированию мировоззрения ученого. Важным являлось и то, что среди его коллег было много высокообразованных людей – А. В. Сулов, родственник жены Ф. М. Достоевского, технический редактор Л. А. Федотов, будущий известный скандинавист М. И. Стеблин-Каменский. «Общение с ними было великой школой. Как важно выбирать своих знакомых, и главным образом среди людей выше тебя по культурному уровню» [3, с. 411]. Корректорское дело создало интерес к проблемам текстологии, дало много полезной информации по изданию книг.

В Институте русской литературы (Пушкинском Доме), когда Д. С. Лихачеву поручили написать главу о литературе XI – XIII вв., он правил и переписывал ее много раз от руки. «Я читал текст вслух и про себя, отрывками

и целиком, проверял кусками и логичность изложения в целом» [3, с. 414]. Результатом был большой успех и приглашения участвовать в разных изданиях. Позже Д. С. Лихачеву удалось выработать свой особенный стиль. А. А. Гуссейнов говорит о манере его письма: «...Тексты Лихачева, как, впрочем, и его исследовательские труды, читаются легко. Этому, конечно способствует ясность языка, еще больше эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет непринужденную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи» [1, с. 28-29]. Это высказывание точно соответствует восприятию публикаций Д. С. Лихачева. Читатель «распознает» в них то, что либо знал в несколько ином виде, либо ощущал интуитивно.

Работа Д. С. Лихачева над подготовкой к печати курса лекций по древнерусской литературе Академика А. С. Орлова в значительной мере определила его дальнейшую судьбу. Участие президента Академии наук А. К. Карпинского помогло Дмитрию Сергеевичу снять судимость и остаться в Ленинграде. Научную работу Дмитрий Сергеевич начал в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома в 1938 г., когда во главе его стояли А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц, с которой у Д. С. Лихачева установились тесные научные и дружеские отношения.

Годы войны были тяжелым испытанием для Дмитрия Сергеевича и всей его семьи. По состоянию здоровья он не был отправлен на фронт и до июня 1942 г. оставался в блокадном Ленинграде. Будучи голодным, постоянно замерзая, он не оставлял занятий наукой, создавая исследования, которые приобретали характер антифашистских агитационных брошюр или практических инструкций для бойцов. Это книга «Оборона древнерусских городов», написанная в соавторстве с искусствоведом М. А. Тихановой (1942), статьи «Военное искусство Древней Руси» (1943), «Национально-героические идеи в архитектуре Ленинграда»

(1944), «К вопросу о теории русского государства в конце XV и в XVI вв.» (1944).

О том периоде Д. С. Лихачев вспоминал так: «Человеческий мозг умирал последним. Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застегивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы, мозг продолжал работать...» [3, с. 490]. Интересно, что «бескомпромиссные противники коммунизма» сегодня пытаются поставить в вину Д. С. Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона русских городов». Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. Д. С. Лихачева обвиняют сегодня в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. На самом деле Д. С. Лихачев никогда не брал заказы, противоречащие его убеждениям.

На разных этапах советской истории руководители партии и государства находили объекты для идеологической борьбы среди самых неординарных и талантливых. Попытки отстраниться от политики рассматривались как контрполитика. Существуют концепции, представляющие Д. Лихачева не функционером «системы» и не ее оппонентом, а как бы «вне ее» [2, с. 9]. С этим нельзя согласиться. На практике выход из «системы» всегда означал переход на службу иной системе. «Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой – идеальное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось» [2, с. 387], – писал Д. Гранин. Занимаясь древнерусской литературой, Д. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Сотрудник отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Л. Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие «доброхотов», готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали» [2, с. 100].

Послевоенное время запомнилось Д. С. Лихачеву постоянными «проработками». «Проработки» 30–60-х гг. входили в определенную систему уничтожения Добра, были – в какой-то мере – тенью показательных процессов конца 30-х годов и учитывали их «опыт». Они были видом расправы с учеными, писателями, художниками, редакторами, театральными работниками

и прочей интеллигенцией» [3, с. 527]. Одной из задач публичных «проработок» было сломить непокорность, волю, стремление к собственному мнению. Дмитрий Сергеевич как высоко нравственная личность, соперяживая обвиненным товарищам, решался на выступления, противоречившие партийным установкам, по этой причине неоднократно сам был в роли «прорабатываемых». Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Д. Лихачева постоянную готовность помочь ему в конфликтных ситуациях с официозной идеологией: «Готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без преувеличения названа отважной». «...И были случаи, когда я твердо знал, что единственным представителем академического мира, к которому мне можно обратиться, – это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение» [2, с. 177].

Даниил Гранин заметил, что судьбу Д. С. Лихачева можно изобразить как цепь репрессий: «Одна несправедливость следует за другой. А, кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик» [2, с. 382]. По мнению Д. Гранина, тяжкие испытания не лишили Д. С. Лихачева благородства, напротив: «За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, льстил властям, искал компромиссов, даже во имя «интересов дела» [2, с. 381].

Избрание Д. С. Лихачева в 1970 г. действительным членом Академии Наук СССР упрочило его положение в Пушкинском Доме. Он становится одним из самых авторитетных в мире ученых. С этого времени у Д. С. Лихачева появилась возможность содействовать развитию Сектора древнерусской литературы, а позже направить свою деятельность на сохранение лучших памятников отечественной культуры.

Дмитрию Сергеевичу было не просто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Д. С. Лихачев называл революцию «несчастьем», рассказывал о разрушении ею прекрасного мира. Д. С. Лихачева

упрекали в том, что он остался жив. Но смысл жизни не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть ценности такие как: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием. Здесь Дмитрия Сергеевича можно определить как создателя.

В научной работе, в мировоззрении, в повседневном поведении Д. Лихачев оставался интеллигентом, человеком культуры, патриотом, исследователем, мыслителем-гуманистом, носителем традиции. С. С. Аверинцев вспоминал: «Для меня Дмитрий Сергеевич был, прежде всего, последним представителем культурной формации, знакомой по старым книгам, но в его лице являвшейся с повсечасной естественностью...в нем было вправду естественно то, что было бы несносным, стилизованным в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга» [2, с. 181].

Как деликатному человеку Дмитрию Сергеевичу тяжело было противостоять бесцеремонности некоторых посетителей. Его пытались привлечь к всевозможным проектам и партиям. Жанр интервью ученый не любил из-за чрезвычайно однообразного перечня вопросов. Действительно интересные вопросы задавались редко. Так, например, вопрос о потерях, которые понесла культура за минувшее столетие, заданный корреспондентом одной из японских газет в начале 1999 года, совпал с размышлениями Дмитрия Сергеевича над этой проблемой. Его тревожила «дегуманизация человеческого общества», проявлявшаяся на самых разных уровнях, – это сокращение количества часов на гуманитарные дисциплины в школе (не только в России), «свертывание» программ по истории литературы на гуманитарных факультетах вузов, идеи упрощения правил орфографии, которые обрывали связи с историей родного языка. Волновали масштабные националистические движения, равнодушие к состоянию памятников культуры, легкость, с которой мировое сообщество пошло на бомбардировки Сербии, поставив под угрозу существование уникальных храмов с фресками XIV – XVII вв., собраний рукописных книг, икон. Одно из самых резких интервью американскому радио было посвящено этой теме.

Некоторые политические вопросы для Дмитрия Сергеевича представляли интерес в качестве исторической проблемы. Например, полемика по поводу законности притязаний на титул Императорского Высочества Марии Владимировны и ее сына Георгия. Считая важным восстановление исторической справедливости, академик Лихачев приветствовал возможность приезда в Россию всех родственников погибшей императорской семьи. Но в ответ на намерение предоставить одной из ветви рода Романовых особые права, он обратился к Президенту Ельцину с письмом, доказав, что по существующим законам Российской империи ни у кого из представителей этой фамилии таких прав нет: все они заключили браки, с точки зрения существующих законов, морганатические. Письмо стало одним из аргументов против готовящегося решения.

Сохранению памятников Д. С. Лихачев придавал первостепенное значение. Ученый трактовал наследие широко – это памятники архитектуры, скульптуры, садово-паркового искусства, исторические некрополи, музейные, библиотечные, архивные собрания. Под деятельностью по сохранению наследия понимается как работа профессионалов (искусствоведов, реставраторов, хранителей), так и общественная работа краеведов и общественных групп по всей России.

Дмитрий Сергеевич во многих случаях сам организовывал, в других поддерживал экспедиции по разысканию и собиранию в различных районах страны исторических источников – старинных русских книг. Академик сыграл важную роль в спасении крупнейшего в мире собрания русских рукописей и хранилища мировых рукописных сокровищ – Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ – Российская национальная библиотека).

Особо стоит отметить роль Д. С. Лихачева в создании Всероссийского общества охраны памятников в середине 60-х гг. прошлого столетия. В объекты его заботы входили: Невский проспект в Петербурге; подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово); фрески Ковалева, Болотова, Нередицы в Новгороде; Воронцовский дворец

в Алушке; Лесковицы в Чернигове; парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге; озеро Байкал; направление течения рек в Сибири, Средней Азии; научные библиотеки, рукописные собрания, состояние запасников музеев. Большинство акций ученого оказались успешными. «Не буду рассказывать всего того, что мне довелось пережить, защищая от сноса Путевой дворец на Средней Рогатке, церковь на Сенной, церковь на Мурино, от вырубок парки Царского Села, от «реконструкций» Невский проспект, от нечистот Финский залив и т. д., и т. п. Достаточно посмотреть список моих газетных и журнальных статей, чтобы понять, как много сил и времени отнимала у меня от науки борьба за чистоту русской культуры» [3, с. 546].

Дмитрий Сергеевич доказал, что перестройка Невского проспекта губительна для русской культуры. Благодаря выступлениям ученого в защиту сохранения поэтического облика Екатерининского парка в Пушкине, он стал объектом охраны общественности. Академик помог сохранить Земляной вал вокруг Новгорода. Ему обязаны сохранением многие храмы и церкви. Во времена правления в Ленинграде Романа академик Лихачев открыто боролся за сохранение храма Спаса-на-крови, который хотели уничтожить как «не гармонирующий с основными архитектурными тенденциями города». Вместе с другими учеными, писателями В. Распутиным, В. Беловым выступал против глобального проекта экологически неграмотных чиновников – «поворота северных рек». Дмитрий Сергеевич всегда использовал свое высокое положение академика для спасения культурных памятников, для развития культуры, науки, считал своим долгом помогать нуждающимся в поддержке и заступничестве.

О взаимоотношениях Д. С. Лихачева и власти в эпоху перестройки существуют разные мнения. Для самого Д. Лихачева период перестройки был порой надежд. В общественной деятельности ученый, прежде всего, выступал в защиту культуры и природы, говорил об этом так: «Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились» [2, с. 383].

28 ноября 2016 г. исполняется 110 лет со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. Его заслуги перед прошлым и перед будущим России бесспорны. Академик Д. С. Лихачев выделяется, как масштабом своих

работ, так и особым нравственным, гражданским стержнем; ученый значительно обогатил науку; наследие ученого имеет важное значение для различных сфер гуманитарного знания.

Использованная литература:

1. Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб.: СПбГУП, 2006.
2. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002.
3. Лихачев Д. С. Избранное: воспоминания. 2-е изд., перераб. СПб.: Logos, 1997.
4. Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Соловецкие записи 1928 – 1930. Картежные игры уголовников. Черты первобытного примитивизма воровской речи. Арготические слова профессиональной речи. Тверь: Обл. отд. Рос. Фонд Древней Руси, 1993.
5. Рыжова С. В. Культурологическое наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева: монография. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2013.

References:

1. Guseynov, A. A., *Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva: kommentarii k knige D. S. Likhacheva «Izbrannye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture»* (Culturology of Dmitry Likhachev: Comments to the Book by Dmitry Likhachev «Selected Works on Russian and World Culture»), Saint Petersburg: Sankt-Peterburuskiy Gumanitarnyy universitet profsoyuzov, 2006.
2. *Dmitriy Likhachev i ego epokha: Vospominaniya. Esse. Dokumenty. Fotografii* (Dmitry Likhachev and His Epoch: Memories. Essays. Documentation. Photos), Vodolazkin, E. G., Ed., Comp., Saint Petersburg: Logos, 2002.
3. Likhachev, D. S., *Izbrannoe: vospominaniya* (Selected Works: Memories), Saint Petersburg: Logos, 1997, 2nd ed.
4. Likhachev, D. S., *Stat'i rannikh let. Solovetskie zapisi 1928-1930. Kartezhnye igry ugolovnikov. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoy rechi. Argoticheskie slova professional'noy rechi* (Articles of the Early Years. Solovki Records (1928-1930). Card Games of the Criminals. Features of Primeval Primitivism of the Thieves' Speech. Argotic Words of Professional Speech), Tver: Oblastnoe otделение Rossiyskogo Fonda Drevney Rusi, 1993.
5. Ryzhova, S. V., *Kul'turologicheskoe nasledie Dmitriya Sergeevicha Likhacheva* (Cultural Heritage of Dmitry Sergeevich Likhachev), Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2013.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рыжова, С. В. Истоки формирования личности и научных интересов Дмитрия Лихачева [Электронный ресурс] / С. В. Рыжова // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 17-23. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Ryzhova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Ryzhova, S. V., *Istoki formirovaniya lichnosti i nauchnykh interesov Dmitriya Likhacheva* (The Origin of the Formation of Personality and Scientific Interests of Dmitry Likhachev), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 17-23. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Ryzhova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

БЫЧКОВА Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия, Краснодар, Россия

Olga I. BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economy and the Management of a National Economy),
Assoc. Prof., Head, Department for Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,

Krasnodar, Russia
bychkovaoi@mail.ru

**Д. С. Лихачев о взаимосвязи
ценностей, экономики
и культуры**

**Dmitry Likhachev
on the Relationship of Values,
Economy and Culture**

В статье анализируется подход академика Д. С. Лихачева к культуре как духовному континууму обнаружения и сохранения ценностей человеческого существования, исследуются размышления ученого о приоритете культурных основ и нравственности по отношению к экономической деятельности российского государства.

Ключевые слова: Д. С. Лихачев, культура, экономика, ценности.

In the article the approach of Academician Dmitry Likhachev to the culture as a spiritual continuum of discovery and preserve the values of human existence is examined. The reflections of the scientist on the priority of cultural foundations and morality in relation to the economic activity of the Russian state are studied.

Keywords: Dmitry Likhachev, culture, economy, values.

На уровне современных научных представлений о сущности культуры определение целей и задач культурной политики по сохранению и трансляции ценностей культурного наследия русской цивилизации невозможно без соотнесения культуры с основными тенденциями развития цивилизации, ее экономической основы.

Россия сегодня вынуждена одновременно решать ряд задач. Это, с одной стороны, преодоление кризиса культурно-цивилизационной идентичности, формирование российской национальной идеи, с другой – утверждение своего места в глобализирующемся мире. В последнее время решение этой задачи неотделимо от осмысления на концептуальном уровне и в плане практиче-

ских действий вопроса о том, с кем следует интегрироваться экономически, культурно, политически и как при этом оптимально реализовать свои национальные интересы.

28 ноября 2016 г. исполняется 110 лет со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачева – русского мыслителя и ученого. Указанная дата – повод обратиться к его научному наследию.

В современном мире место и авторитет России определяется не только его политическим весом и экономическими ресурсами, но и русской культурой, её духовным, интеллектуальным и инновационным потенциалом. Поэтому и сегодня актуальны размышления академика Д. С. Лихачева о культурных основах и нравственности в

экономической деятельности российского государства.

Наследие Д. С. Лихачева изучается исследователями разных областей знания: культурологами, историками, литературоведами, педагогами, философами. Основные труды Д. С. Лихачёва связаны с изучением русской культуры: «Русские летописи и их культурно-историческое значение», «Возникновение русской литературы», «Слово о полку Игореве», «Человек в литературе Древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы», эссе «Заметки о русском», сборник «Прошлое – будущему», «Русская культура», «Культура русского народа X - XVII вв.», «Художественное наследие Древней Руси и современность», «Мозаика и живопись Древнего Киева», «Заметки о русском», «Прошлое будущему. Статьи и очерки», «Письма о добром и прекрасном», «Очерки по философии художественного творчества», «Раздумья о России»...

У Лихачева нет работ, специально посвященных экономической тематике, но многие его высказывания содержат размышления на тему взаимообусловленности ценностей, культуры и экономики. Идеи Лихачева, связанные с экономическими аспектами культуры, отражены в современных работах по этике культуры, трудовой морали, социальной ответственности бизнеса. В настоящее время научные публикации Лихачева оказались востребованными в экономической среде XXI века.

Рассмотрим самые актуальные мысли на тему взаимосвязи экономики и культуры, пересекающиеся с решением проблем сегодняшнего дня.

Труды Лихачева с 1946-го по 1980-й гг. содержат экономические обобщения, связанные с историческими событиями, а также высказывания, близкие официальной точке зрения того времени:

«Распад Киевского государства был вызван новыми экономическими и политическими условиями, создавшимися в связи с ростом производительных сил в местных федеральных центрах. Феодалное дробление закономерно вызывалось развитием изолированных и замкнутых хозяйств - княжеских, боярских или церковных. Каждое из этих хозяйств было вполне самостоятельным комплексом угодий,

группировавшихся вокруг двора феодала. Однако экономические связи между отдельными хозяйствами были слишком слабы. Поэтому рост этих отдельных хозяйств усиливал разделение, вел к экономическому, а затем и политическому дроблению Руси. Экономический подъем вызывал подъем культуры, вел к дальнейшему развитию культуры, но отсутствие еще тесных экономических связей приводило к тому, что этот экономический подъем одновременно вел к политической раздробленности» [6, с. 156].

«Пиры были формой постоянного общения князя и дружины, формой совещаний. Они находили себе экономическое основание в характере «кормления» дружины у князя. Князь содержит дружину, снабжает ее одеждой, оружием, кормит и одаривает подарками - жалованием, серебром. Так изображает положение дружины при дворе у Ярослава Мудрого Эймундова сага. Таково оно и в былинах» [12, с. 58].

«...Киев продолжает, тем не менее, играть прежнюю роль политического и культурного центра Русской земли, продолжая расширяться, богатеть и украшаться. Растет и крепнет киевское ремесло и торговля, строятся новые храмы и княжеские «дворы», растут монастыри» [15, с. 18].

«...Быстрое экономическое развитие русских земель, развитие ремесел и разделение труда, приводившее к усиленному торговому обмену между отдельными областями, экономически подготовляло постепенное политическое объединение русских земель в единое централизованное государство» [8, с. 42].

«Экономический подъем вызывал подъем культуры, вел к дальнейшему развитию культуры...» [6, с. 156], — писал он в 1979 г.

Труды академика 1990-х гг. отражают другую точку зрения - о приоритете культуры над экономической основой жизнедеятельности. При изучении публикаций академика постсоветского периода, очевидным становится тезис, что культура - основа экономики, а не наоборот. В выступлении 1992 г на заседании президиума Российского фонда культуры прозвучали следующие слова Д. С. Лихачева: «У нас нет культурной программы - есть экономическая, военная, а вот культурной нет. Хотя культуре принадлежит

первенствующее место в жизни народа и государства» [13, с. 97].

В размышлениях по проблемам интеллигенции ученый настаивает. «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных» [7, с. 38].

О поддержке культуры со стороны государства:

«Культура не может существовать без дотаций со стороны государства. Она дает свой невидимый «доход» в виде уважения со стороны других государств, роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни. А главное - управление страной становится более умным, ибо умным народом легче управлять умно: увеличивается предсказуемость. Когда говорят, что каждый народ достоин своего правительства, то понимать это следует не в том смысле, что народ сам себя как бы наказывает своим правительством, а в том смысле, что стране с низкой культурой необходимо особое управление (сильные карательные органы, особое законодательство, предусматривающее преступления, немислимые в культурном обществе, сложные системы голосования и т. д.)» [4, с. 52].

В проекте Декларации прав культуры Д. С. Лихачев пишет: «Самокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры. «Самокупаемая» культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей» [5, с. 30]. В то же время, продолжая тему приоритета культуры над экономикой, Лихачев предлагает следующее: «Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения...» [5, с. 33].

В окончательном варианте мысль о самокупаемости культуры не звучит, больше внимания уделяется тезису о государственной поддержке культуры: «Считать главной целью национальной культурной политики создание системы экономических, правовых и иных условий, способствующих спасению, со-

хранению и развитию культуры как духовной основы существования народа и предпосылки воплощения личностного потенциала каждого гражданина» [2, с. 81].

И далее: «Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей, в первую очередь, и культуры всех этносов, проживающих на территории государства» [2, с. 84].

Д. С. Лихачев в обсуждении вопроса о первичности культуры настаивает: «...Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства» [4, с. 50].

Девяностые годы XX в. являются тяжелым временем для России, когда страна вступает в рыночные отношения и разворачивается от духовной жизни, культуры к идеям материального обогащения. Д. С. Лихачев пишет: «Материя преобладает над духом, над духовностью - одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения; в основе всего искали классовую борьбу, то есть ненависть. И на этом воспитывалась наша молодежь. Что же удивляться, что у нас в отношении нравственности установились пессимистические нормы, то есть нормы, разрешавшие любое преступление, потому что исхода нет ...» [2, с. 69-70].

Ученого волнует коммерциализация культурной жизни, которая способствует распространению антигуманных проявлений. Д. С. Лихачев озабочен «...усиливающейся экспансией антигуманных явлений массовой коммерческой культуры, угрожающих самобытности национальных культур и культурному развитию человечества в целом» [2, с. 82].

Одновременно в своих работах Д. С. Лихачев обращается к теме крестьянства, земельной реформы: «Кстати, крестьянство всегда стояло костью в горле у правительства. Крестьяне были свободны - они сеяли хлеб, продавали его кому хотели, назначая свою цену и т. д. До сих пор власти противо-

действуют созданию фермерского слоя, потому что фермерство - это свободное предпринимательство огромных масштабов, и никто не сможет в него вмешаться. Возрождение крестьянства очень важно, без этого положение в стране не улучшится... Закон о земле до сих пор не принят из опасения, что она вновь попадет в руки чиновников. Чиновник не может любить землю - ее может любить только крестьянин, который непосредственно, мускульно ее чувствует, знает, что от того, как он пашет и удобряет, зависит благосостояние его детей и внуков, к которым его земля перейдет. Она должна непременно переходить по наследству, чтобы в стране сформировался класс земледельцев» [11, с. 62].

В другом выступлении: «В течение тысячи лет Россия была связана с земледелием. Недаром существовал культ земли, земледельческие праздники... Создать и упорядочить земельный кодекс — первая, самая важная задача, потому что когда в нашей стране будет упорядочено земледелие, когда будут законы, которые твердо гарантируют право на землю ее владельцу и его наследникам, тогда не будет и голода в России» [9, с. 71, 72].

О взаимосвязи духовно-нравственного воспитания, экономики, государственности и творчества Дмитрий Сергеевич размышляет в работе о школьном образовании: «Средняя школа должна воспитывать человека, способного осваивать новую профессию, быть достаточно способным к различным профессиям и быть, прежде всего, нравственным. Ибо нравственная основа - это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество. Без нравственности невозможно и развитие любой науки, ибо крайне трудно проверить эксперименты, вычисления, ссылки на источники и пр.» [3, с. 28-29].

В 2000 г. издательство «Искусство» опубликовало сборник статей Д. С. Лихачева «Русская культура», в котором собраны работы, основанные на междисциплинарном подходе к исследованию культуры России. В статье «Историческое самосознание и культура Рос-

сии» академик писал: «Нам, русским, необходимо, наконец, обрести право и силу самим отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику - и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права, опираясь на реальные факты, на реальные традиции...» [10, с. 30].

В статье «Экология культуры» ученый обращается к вопросу о взаимосвязи культуры, нравственности и экономики: «Во все времена, в любом обществе без культуры и нравственности не могут действовать законы экономики, юриспруденции, законы исторические (ведь любое появление тиранов тормозит развитие общества, хотя может показаться, что «добрая тиранья» может загнать общество в счастливое будущее). Нравственность - это то, что превращает «население» в упорядоченное общество, смиряет национальную вражду, заставляет «большие» нации учитывать и уважать интересы «малых» (а вернее, малочисленных). Нравственность в стране — самое могучее объединяющее начало» [15, с. 94].

В статье «Русская интеллигенция» он пишет: «Не удивляйтесь сказанному, постараюсь объяснить, какое отношение не только к науке, экономике, политическому мышлению, но и общему поведению людей, даже к их облику имеет культура. Не буду вдаваться в чрезвычайно сложные вопросы — что такое культура и интеллигентность. Остановлюсь на чем-то, представляющемся мне элементарно ясным. Культура основывается на знаниях, хотя сама не является просто большим объемом знаний. Можно много знать и не быть культурным человеком. Культура — это, прежде всего, результат знаний, знаний упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность» [10, с. 119]. И далее: «Из всех моих соображений об агрессивности, порождаемой бездуховностью, и, напротив, социальности культуры — следует один непреложный вывод. Если мы хотим создать нормальное общество, если мы хотим нормального экономического, научного, технического развития, нам следует, во что бы то ни стало, принимать широкие и глубокие меры по поднятию культуры в нашей стране [10, с. 125].

Выводы о первичности культуры по отношению к экономике сделаны Д. С. Лихаче-

вым в статье «Провинция и великие «малые» города»: «У нас есть планы экономического развития, планы выхода из экономического кризиса, но нет даже предложений создать план выхода из культурного кризиса, из той культурной отсталости, в которой очутилась наша страна за последние 82 года, вернее за 85, так как развитие культуры остановилось не в 1917 г., а в 1914 г. - с момента начала первой мировой войны... Остановка в культурной жизни — это упадок, упадок, который будет все нарастать и приведет нашу страну в разряд третьестепенных цивилизаций, если его не остановить... Самое важное, что нужно сделать, возрождая культуру, - это вернуть культурную жизнь в наши небольшие города. Уверен, что, возрождая нашу провинцию (это слово вовсе не обидно), мы решим и жилищную проблему в наших больших городах и ряд экономических проблем. Однако в первую очередь надо поддержать малые города, дать им экономические льготы, удешевить в них жизнь, а кроме того, сделать жизнь в них привлекательной» [10, с. 127]. И далее: «Техника, экономика, цивилизация в специальном значении этого слова — это все не может быть самоцелью. Культура же сама по себе — цель развития отдельного человека, нации, страны и человечества. Вот почему развитие культуры не должно затрудняться налогами,

любыми формами обложения. В пользу чего? В пользу экономического прогресса? Но сама экономика служит культуре!» [10, с. 133].

Завершая и поддерживая обобщение суждений Лихачева о понимании культуры как основы экономики, приведем высказывания на эту тему исследователей его наследия: «Д. С. Лихачев дает и свое видение глобализации - как современного процесса взаимодействия культур в мировом масштабе, движимого в первую очередь не экономическими, а именно культурными интересами человечества. Характерно, что он вообще не видит в экономике и производстве «базиса», а в культуре - «надстройки», как это было принято совсем недавно в советской науке. Базис, основа основ, по Лихачеву, - это культура» [1, с. 19-20].

«Конечно, Лихачев не был экономистом, тем не менее его широкий подход чрезвычайно важен... Это стремление к глобальным обобщениям, умение выделить главное, магистральное направление развития, то, что Лихачев называл панорамным зрением, чрезвычайно важно и интересно, в том числе и для изучения культурной экономики и экономики культуры России. В этой области он был, безусловно, глубоким и всесторонним исследователем, и это предопределило на многие-многие десятилетия, если не на столетия, долгую жизнь его наследия» [14, с. 19-20].

Использованная литература:

1. Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: СПбГУП, 2006
2. Декларация прав культуры [окончат. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева] // Д. С. Лихачев - Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 81-90.
3. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002
4. Лихачев Д. С. Великая культура примирительна по своей сути: речь на Междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 22-23 мая 1997 г. // Д. С. Лихачев. Университетские встречи. 16 текстов. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 50-55.
5. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект идей) // Д. С. Лихачев - Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2006. С. 28-33.
6. Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Т. 2: Великое наследие; Смех в Древней Руси; Заметки о русском. Л.: Худ. лит. Ленингр. Отд.-ние, 1987.

References:

1. Guseynov, A. A. and Zapesotskiy, A. S., *Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva* (Dmitry Likhachev's Culturology), Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy Universitet Profsoyuzov, 2006.
2. Deklaratsiya prav kul'tury [okonchatel'nyy variant, razrabotannyy kolektivom uchenykh Sankt-Peterburgskogo Gumanitarnogo Universiteta Profsoyuzov pod nauchnum rukovodstvom D. S. Likhacheva] (Declaration of the Rights of Culture [Final Version, Designed by a Team of Scientists of the Saint Petersburg Trade Union University of Humanities under the Scientific Supervision of D. Likhachev]), in *D. S. Likhachev - Universitetskie vstrechi. 16 tekstov*, Zapesotskiy, A. S., Ed., Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy Universitet Profsoyuzov, 2006, pp. 81-90.
3. *Dmitriy Likhachev i ego epokha: Vospominaniya. Esse. Dokumenty. Fotografii* (Dmitry Likhachev and His Epoch: Memories. Essays. Documentation. Photos), Vodolazkin, E. G., Ed., Comp., Saint Petersburg: Logos, 2002.
4. Likhachev, D. S., *Velikaya kul'tura primiritel'na po svoey suti: rech' na Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Gumanitarnaya kul'tura kak faktor preobrazovaniya Rossii»* (22-23 maya 1997 goda)

7. Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества : [выступ. на дискуссии «Судьба российской интеллигенции», 23 мая 1996 г. Дворец Белосельских-Белозерских] // Д. С. Лихачев. Университетские встречи. 16 текстов. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2006. С. 38-44.

8. Лихачев Д. С. Культура русского народа X-XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

9. Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами. // Д. С. Лихачев. Университетские встречи. 16 текстов. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2006. С. 61-68.

10. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000.

11. Лихачев Д. С. Спешите учиться. Интервью Д. С. Лихачева // Д. С. Лихачев. Университетские встречи. 16 текстов. / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2006. С. 61-67.

12. Лихачев Д. С. «Эпическое» время русских былин / Сб. статей к семидесятилетию академика Б. Д. Грекова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.

13. Лихачев Д. С. «Язык указов мне глубоко чужд...»: из выступления Д. С. Лихачева на президиуме Российского фонда культуры. 1992 год // Наше наследие. 2001. № 59-60. С. 97.

14. Нуреев Р. М. «Культура и будущее России» / Стенограммы докладов международного юбилейного конгресса 28-30 ноября 2006 года [Электронный ресурс] // Сайт Фонд имени Д. С. Лихачева. URL: <http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/nureev.html> (дата обращения 08.02.2016)

15. Тиханова М. А., Лихачев Д. С. Оборона древнерусских городов. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942.

(Great Culture is Apologetic by Its Nature: Speech on the Int. Sci.-Pract. Conf. "Humanitarian Culture as the Factor of Transformation of Russia" (May 22-23, 1997), in *Universitetskie vstrechi. 16 tekstov*, Zapesotskiy, A. S., Ed., Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy Universitet Profsoyuzov, 2006, pp. 50-55.

5. Likhachev D. S. Deklaratsiya prav kul'tury (proekt idey) (Declaration of the Rights of Culture (Project of Ideas)), in *D. S. Likhachev - Universitetskie vstrechi. 16 tekstov*, Zapesotskiy, A. S., Ed., Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy Universitet Profsoyuzov, 2006, pp. 28-33.

6. Likhachev, D. S., *Izbrannye raboty* (Selected Works), in 3 vols., vol.2: *Velikoe nasledie; Smekh v Drevney Rusi; Zametki o russkom*, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Leningradskoe otdelenie, 1987.

7. Likhachev, D. S., *Intelligentsiya - intellektual'no nezavisimaya chast' obshchestva* : [vystuplenie na diskussii «Sud'ba rossiyskoy intelligentsii», 23 maya 1996 goda, Dvorets Belosel'skikh-Belozerskikh] (Intelligentsia as Intellectually Independent Part of the Society: Speech at the Discussion "The Fate of the Russian Intelligentsia", May 23, 1996 Beloselsky-Belozersky Palace), *Universitetskie vstrechi. 16 tekstov*, Zapesotskiy, A. S., Ed., Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy Universitet Profsoyuzov, 2006, pp. 38-44.

8. Likhachev, D. S., *Kul'tura russkogo naroda X-XVII vekov* (The Culture of the Russian People from the 10th to the 17th Centuries), Moscow-Leningrad: AS USSR, 1961.

9. Likhachev D. S. Nas zhdet to, chto my sdelaem sami (We'll Get What We'll Do by Ourselves), in *Universitetskie vstrechi. 16 tekstov*, Zapesotskiy, A. S., Ed., Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy Universitet Profsoyuzov, 2006, pp. 61-68.

10. Likhachev, D. S., *Russkaya kul'tura* (Russian Culture), Moscow: Iskusstvo, 2000.

11. Likhachev D. S. Speshite učit'sya. Interv'yu D. S. Likhacheva (Rush to Learn. Interview with Dmitry Likhachev), in *Universitetskie vstrechi. 16 tekstov*, Zapesotskiy, A. S., Ed., Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gumanitarnyy Universitet Profsoyuzov, 2006, pp. 61-67.

12. Likhachev, D. S., «*Epicheskoe*» *vremya russkikh bylin* ("Epic" Time of Russian Epics): *Sel. Papers Dedicated to the Seventieth Birthday of Academician Boris D. Grekov*, Moscow: AS USSR, 1952.

13. Likhachev, D. S., «*Yazyk ukazov mne gluboko chuzhd...*»: iz vystupleniya D. S. Likhacheva na prezidiume Rossiyskogo fonda kul'tury. 1992 god ("Language of Decrees is Profoundly Alien to Me...": the Speech of Dmitry Likhachev at the Session of the Praesidium of the Russian Cultural Foundation. 1992), *Nashe nasledie*, 2001, no. 59-60. pp. 97.

14. Nureev, R. M., «*Kul'tura i budushchee Rossii*»: *Stenogrammy dokladov mezhdunarodnogo yubileynogo kongressa 28-30 noyabrya 2006 goda* ("Culture and the Future of Russia": Transcripts of the Reports of the International Jubilee Congress, November 28-30, 2006), in *Fond imeni D. S. Likhacheva*. <http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/nureev.html>. Accessed February 8, 2016.

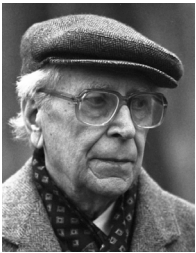
15. Tikhanova, M. A. and Likhachev, D. S., *Oborona drevnerusskikh gorodov* (Defense of the Ancient Russian Cities), Leningrad: OGIZ Gospolitizdat, 1942.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бычкова, О. И. Д. С. Лихачев о взаимосвязи ценностей, экономики и культуры [Электронный ресурс] / О. И. Бычкова // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 24–30. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Bychkova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Bychkova, O. I., D. S. Likhachev o vzaimosvyazi tsennostey, ekonomiki i kul'tury (Dmitry Likhachev on the Relationship of Values, Economy and Culture), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 24–30. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Bychkova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

Дмитрий Сергеевич Лихачев об экологии и культуре

...Человек живет в определенной окружающей среде. Загрязнение среды делает его больным, угрожает его жизни, грозит гибелью человечеству. Всем известны те гигантские усилия, которые предпринимаются нашим государством, отдельными странами, учеными, общественными деятелями, чтобы спасти от загрязнения воздух, водоемы, моря, реки, леса, чтобы охранить животный мир нашей планеты, спасти стаи птиц, лежбища морских животных. Человечество тратит миллиарды и миллиарды не только на то, чтобы не задохнуться, не погибнуть, но чтобы сохранить также ту окружающую нас природу, которая дает людям возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила природы хорошо известна.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией и как дисциплина начинает уже сейчас преподаваться в университетах.

Но экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным

местам, для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения.

...Улицы, площади, каналы, дома, парк и – напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилем прекрасного. Он учится уважению к предкам, чувству долга и будущему. И тогда прошлое и будущее становятся неразрывными для него, ибо каждое поколение – это как бы связующее звено во времени. Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, – значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, – значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны – он,

как правило, равнодушен и к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой. Разве не влияло на среднерусскую природу присутствие человеческого труда? Крестьянин веками трудился, ласково гладил холмы и доли сохой и плугом, бороной и косой, оттого-то среднерусская, а особенно подмосковная, природа такая родная, приласканная. Крестьянин оставлял леса и перелески нетронутыми, обходил их плугом, и потому они вырастали ровными купами, точно в вазу поставленные. Избы и церкви деревенский зодчий ставил как подарки русской природе, на пригорке над рекой или озером, чтобы любовались своим отражением. Деревянные стены долго сохраняли тепло рук их строителей. Золотая маковка не только издали светилась, как украшение, но и была ориентиром для путника. Не само здание как таковое было нужно человеку, а здание, поставленное в определенном месте, украшающее его, служащее гармоническим завершением ландшафта. Поэтому и хранить памятник и ландшафт нужно вместе, а не отдельно. Вместе, в гармоническом их сочетании, они входят в душу человека, обогащая его представления о прекрасном.

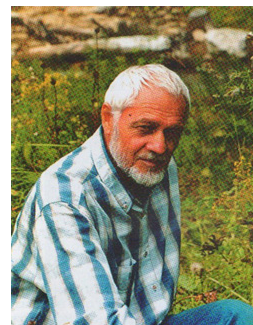
Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10–16.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

ЛОВПАЧЕ Нурбий Газизович
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела истории
Адыгейского республиканского Института
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева
Майкоп, Россия

Nurbiy G. LOVPACHE
Cand. Sci. (National History), Associate Professor,
Leading Researcher, Department of History,
Adygeya Republican Institute of Humanitarian Studies
Maikop, Russia
arigi@mail.ru

Культурно-исторические объекты закубанской ветви «Великого шелкового пути»

В статье намечается торговый маршрут закубанского «шелкового пути» раннего средневековья и «Генуэзской дороги» позднего средневековья, проходивший через 11 населенных пунктов (по Н. Л. Каменеву). Каждый из пунктов маршрута сопровождается археологическим или историческим памятником. В свою очередь, эти памятники отражаются в живописных произведениях автора. Параллельно с кратким анализом картины дается характеристика археологической культуры соответствующего хронологического периода. Большое количество памятников и картин были созданы в окрестностях станицы Новосвободной на р. Фарс на отрезке торгового пути, проходившего по территории Республики Адыгея. В конце статьи аргументируется целесообразность художественного изображения культурно-исторических объектов для целей их охраны и популяризации.

Ключевые слова: «Великий шелковый путь», археологический памятник архитектурно-мegalитический комплекс, картина, dolmen-ispyun, Генуэзская дорога.

Cultural and Historical Objects of the Trans-Kuban Branch of the «Silk Road»

The article outlines the trade route of the Trans-Kuban «Silk Road» of the early Middle Ages and the «Genoese Road» of the late Middle Ages, which passed through 11 settlements (according to Nikolay L. Kamenev). Each of the points of the route is accompanied by an archaeological or historical monument. In their turn these monuments are reflected in the author's paintings. In parallel with a brief analysis of the picture, a characteristic of the archaeological culture of the corresponding chronological period is given. A large number of monuments and paintings were created in the vicinity of the village of Novosvobodnaya on the river Fars on the segment of the trade route that passed through the territory of the Republic of Adygea. At the end of the article, the expediency of the artistic depiction of cultural and historical objects for the purposes of their protection and popularization is argued.

Keywords: «Great Silk Road», archaeological monument, architectural and megalithic complex, painting, dolmen-ispyun, Genoese Road.

Николай Львович Каменев, один из первых кубанских краеведов, в статье о церкви Св. Георгия на реке Белой [5, с. 7, 8] писал: «Генуэзский торговый путь» проходил через земли адыгов от Мапы (Анапы) к ст. Хабльской, Саратовской, Ханской, Царской, далее через р. Лабу (ст. Баговская, Псебай, Курджиново) на р. Кяфар, Зеленчук, в ее верховья на перевалы Клухори и Маруха в Абхазию и на восток к Каспийскому морю. С помощью памятников археологии VII – X вв., открытых и расположенных на указанном Н. Каменевым маршруте, удастся реконструировать подобный торговый путь в раннем средневековье. В первую очередь, могильник «Мощевая балка» близ с. Курджиново на Большой Лабе [4, с. 213]; поселение «Церкви в Псебае»; пещера Курако между Псебаем и Баговской; Бесленевские захоронения в навесах на р. Ходзь [12, с. 82-83], Гупское городище близ ст. Барокаевской [8, с. 152] и скальные навесы [2]; могильник и поселение Бутковой поляны; Майкопский пытапэж [8, с. 151]; могильник карьера п. Цветочного; поселение у церкви Св. Георгия на р. Белой между ст. Ханской и г. Белореченском; Тверское городище между ст.ст. Ханской и Саратовской на р. Пшиш; Молдавановский могильник в Крымском районе [15, с. 76-79].

Пользуясь услугами кавказского обычая гостеприимства¹, купцы без риска для жизни и для товара, хотя дольше, чем по правобережью р. Кубани, достигали берегов Черного и Азовского морей или в обратном направлении.

Оказывается, такое положение вещей имело место и в раннем средневековье, когда интенсивно функционировал «Великий шелковый путь», а также в поздний период средних веков, когда итальянцы возродили «великий скифский путь» на Понте Эвкинском.

Подтверждением этой гипотезы служат импортные предметы в материалах ранне-средневековых археологических памятников и особенно монеты — византийские, арабские, иранские, а еще важнее, остатки шелковых тканей. Последние зафиксированы в могильнике «Мощевая балка» [4, с. 213]. Монеты

¹ Согласно обычаю, хозяин (бысым) отвечал головой за жизнь гостя и поэтому, провожая его до следующего селения, передавал своему родственнику или кунаку под надежную опеку. Гость, в свою очередь, отделялся недорогими подарками.

найлены в Гупских навесах, в Псекупском и Молдавановском могильниках, в Фанагории (ст. Сенная).

Более убедительно можно говорить о памятниках края и Республики Адыгея, где проходил маршрут «Великого шелкового пути» и «Генуэзский торговый путь». Иллюстрациями объектов культурно-исторического значения служат произведения автора, более менее реалистически отражающие архитектурно-скульптурные, декоративные или живописно-графические их особенности.

Самым значительным объектом археологии в западной части Закубанской ветви оказывается городище хутора Краснобатареиного на т.н. Шанхрском городище и Семибратние курганы V-IV вв. до н.э. вблизи восточной столицы Синдского государства [1, с. 90-92]. Восточнее Шанхрского городища в том же Крымском районе еще один замечательный памятник — анфиладная каменная гробница кургана Карагодеуаш IV в. до н.э. [1, с. 130-135], с богатыми (царскими, аристократическими) погребениями мужчины и женщины. К сожалению, курган уже снесен, но гробница осталась в г. Крымске. В ст. Хабльской и Саратовской пока смотреть особо нечего, но по пути к Ханской в ст. Тверской целый букет археологических памятников в долине р. Пшиш. Среди них выделяется раннесредневековое городище на высоком, крутом холме (видимо, останец). Между г. Белореченском и ст. Ханской в XI в. была сооружена небольшая церковь Св. Георгия, свидетельствующая о распространении христианства среди адыгов в комниновский период истории Византии [5, с. 7, 8]. В настоящее время от нее сохранились жалкие фундаментные остатки под землей.

В г. Майкопе Н. И. Веселовским в 1897 г. раскопано богатейшее для раннебронзового времени на Евразийском континенте погребение царя в кургане Ошад. Курган давно снивелирован русским населением Майкопа, а на его месте поставлены охранная стела и доска. Есть надежда, что под землей сохранились остатки кромлеха, опоясывающего подножие Ошада и упомянутого Н. И. Веселовским в кратком отчете [10, с. 2-23].

Сохраняется перспектива реконструкции хотя бы части кургана с гробницей. Вариант реконструкции готов в живописном виде.

Майкопская культура

Картина «Майкопская культура». В пределах города изучается древняя крепость «Майкоп пытапэж», очевидно, сооруженная в раннем железном веке на четырехступенчатой пирамидальной горе в излучине р. Шагоще (Белой), где русло под углом 90 градусов поворачивает с меридионального направления на широтное. Картина «Осада Псатской крепости» написана по топографической съемке и описанию битвы Диодором из Сицилии 1-го в. до н. э. Изображает событие 309 г. до н. э.; штурм боспорскими войсками под командованием царя Сатира крепости, в которой обороняются брат Сатира Эвмел и его союзник фатейский царь Арифарн (по рекомендации Крушкол, автора книги «Древняя Синдика», Псатскую крепость надо искать в горах Адыгеи) [6].

Гуашевые и акриловые этюды в частично реконструированном виде показывают «Майкоп пытапэж» с разных сторон. На территории северной цитадели пытапэж открыто протомайкопское поселение эпохи

энеолита. Третьим объектом археологическо-палеографического характера в Майкопе является святилище-городище типа меотских, вблизи которого в 60-е гг. XX в. найдена Майкопская плита позднебронзового периода с иероглифическо-силабарической (хеттской) надписью об основании города Ах на рубеже XIII-XII вв. или в начале XII в. до н. э. [16, с. 22] [9, с. 61].

Продвижение по маршруту Н. Каменева далее приводит к урочищу Хашпек (клады) близ ст. Новосвободной на р. Фарс. В 1898 г. Н. И. Веселовский раскопал здесь (Клады) два больших кургана с погребениями, близкими по обряду к гробнице Ошада, но в виде каменных гробниц [14]. В 1989 г. Ленинградский археолог А. Д. Резепкин исследовал так называемый Серебряный курган. Под громадной его насыпью на восточном краю вскрыта мегалитическая гробница с порталом, где найдена каменная скульптура зверя. Против фасада гробницы — площадка с плиточными бордюрами, три менгира и плита с

Зима в Хашпеке

петроглифами. На картине «Освящение энеолитического храма» изображена реконструкция мегалитического храма, на месте которого позже была сооружена упомянутая гробница. В реконструкции собраны архитектурные детали из разных курганов Хашпека (Клады 1 и Клады 2).

Картина «Хаттский ритуал» у архитектурного ансамбля кургана №39 Хашпека 2 изображает реконструкцию архитектурно-мегалитического комплекса этого памятника.

На картине «Зима в Хашпеке» изображен фасад дольмена-испыуна из мегалитического ансамбля кургана №39 Хашпека (Клады 2). Картина «Хранитель древних мегалитов» изображает полуразрушенную 11-гранную гробницу и испыун (дольмен) кургана №39, целую трехметровую колонну из кургана №40, двухкамерную мегалитическую гробницу с двускатной крышей кургана №30, а также средневековую скульптурную стелу типа надгробий Причерноморской Шапсугии. На заднем плане — играющие, пляшущие

иныжы (великаны) на кургане — строители испыунов согласно адыгейской легенде [13, Рис. 32-34, 50-55, 52-65, 89-95, 96-99].

Памятники г. Майкопа и станицы Новосвободной представляют протомайкопскую, дольменную и прикубанскую культуры эпохи энеолита и бронзы.

При движении на юго-восток от урочища Хашпек (Клады) через ст. Новосвободную поднимаемся на высокую правую надпойменную террасу р. Фарс, и нашему взору открывается величественная круговая панорама окрестного низкогорья Скалистого хребта. Следует заметить, что обозреваемый ландшафт, исключая флору, очень сходен с окрестностями турецких городков Богазкале и Аладжакале в излучине главной Малоазийской реки Кызылрмак. В Богазкале археологами вскрыта древняя столица Хеттского царства Хатусас, а в окрестностях Аладжакале — королевский дворец XV-XIII вв. до н. э. и царский некрополь второй половины III тысячелетия до н. э. Последний стал эпонимом раннебронзовой культуры Аладжачуюк, по определению европейских, турецких и некоторых российских археологов, продолжающей развитие майкопской культуры Северного Кавказа [14, с. 18, 31] [5, с. 5-7]. Картина «Древняя Анатолия» написана мною после трех посещений Хаттусы и одной месячной археологической экспедиции по центральной Анатолии в 1998 г.

На этой террасе возвышается силуэт часовни из монастырского архитектурного комплекса «Михайловской пустыни», основанного в последней четверти XIX в. архимандритом Мартирием. Архитектурно-стилистический ордер этого памятника, несмотря на разрушенность, хорошо читается и, судя по сохранившимся изображениям взорванных храмов советскими атеистами, отражает общий стиль памятника православной архитектуры «Михайловской обители» и России того времени.

Выбор места для часовни, колоколами сигнализировавшей станичникам ст. Царской (Новосвободной) обо всех монастырских событиях (станцию отделяют от монастыря 11 км) совпал с местом установки памятника (бронзового бюста) российскому императору Александру II, который в 1861 г. вел здесь переговоры с адыгскими старшинами о прекращении войны.

Часовня Михайловской обители

В шести километрах на юго-восток от станции расположена так называемая Буткова поляна — место бывшего здесь абадзехского аула Хачецокохабль, где произволилось железо. Здесь же находится археологический памятник «турецкий вал», в позднем средневековье представлявший собой почти километровую стену, определяющая северную равнинную часть поселения от курганного кладбища и горно-лесной зоны.

Поляна располагается над р. Лакруш со скальными навесами, сталактитовыми пещерами; ниже красивый водопад и колоссальный сталагмит, поддерживающий известняковый громадный навес. В этом месте древняя скотопрогонная дорога пересекает р. Лакруш и выводит на поляну террасы левого берега. По предположению А. Н. Дьячкова-Тарасова, в этом ущелье примерно в XVI-XVII вв. произошла битва между кабардинским войском и абадзехами. Абадзехи заманили неприятеля ночью в Ошнаутуче

(ущелье Обух топора) в ловушку и разгромили претендентов на главенство над их племенем [3, с. 112].

Кроме стены и позднесредневекового могильника белореченской культуры на поляне располагается раннесредневековое поселение, курганный кахатлеж (древнее кладбище – адыг.) X-XIII вв., холмы с металлургическими горнами, много железных криц и слитки, фундаментальные остатки кузни.

Далее маршрут торгового пути достигает ст. Барокаевской на р. Гупс и разветвляется влево через ст. Губскую, Беслнеевскую в долину р. Ходзь или по р. Гупс вверх до слияния с Псеубеком, затем влево в долину р. Кизинки, а по ней до впадения в р. Ходзь до ст. Баговской (бывший аул Хагурхабль).

У слияния рр. Гупса и Псеубека торговцы-путешественники проходили через предполагаемый г. Касек X-XIII вв. [2, л. 386], касожское городище, основанное как поселение в VII-VIII вв., с мощной фортификацией, скле-

повым некрополем, пятью жилыми террасами посадом, цитаделью на верхней и многочисленными фундаментальными остатками домов. Есть предположение по заваленному входу о нижнем подземном ярусе сталактитового характера, где отсиживались жители во времена вражеских нападений.

На картине «Гупсский пытапэ» представлен вид на эту укрепленную гору с севера. Вид на слияние Гупса с Псеубеком и каменный мост на переднем плане.

С западной стороны Пытапская гора (геологическое название) обозначена монументальным известняковым обнажением с пещерой внизу. Эта гора высится над р. Гупс и образно ассоциируется с фасадом дольмена-испыуна. Картина с изображением Пытапской горы-дольмен находится в музее столицы Юго-Осетинской республики Цхинвали.

В ущелье Кизинки на ее левых террасах — остатки самого крупного на Кавказе дольменного поля (около 600 мегалитов). На противоположной стороне р. Кизинки, на горе Сундучной (Цундыко) развалины мощной средневековой крепости и известняковый карьер по добыче плит для строительства мегалитов левобережных террас. На этой стороне террасы сложены из крошащегося мраморовидного или мергелевого известняка. Поэтому строителям мегалитических гробниц пришлось добывать плиты на правом берегу р. Кизинки и переправлять их через километровую пойму на левый берег.

Впадение р. Кизинки (более древнее убыхское название Мижипта — Каменка) в р. Ходзь фланкировано с левой северной стороны так называемой Кизинчанской скалой. Она также известняковая и в разное время года выглядит разноцветной (розовой, голубоватой, сиренево-серой). У подножия скалы на 300 м протянулась гигантская галерея антропоморфных скульптурных пилластр естественного происхождения высотой до 20 м.

Когда писался этюд с этой скалы, русский пастух, присматривавший за табуном лошадей на поляне под Кизинчанской скалой, поведал интересную интерпретацию адыгской легенды о испыунах. Вот его рассказ, почти дословно запомнившийся мне:

«Ты думаешь, это природные скульптуры? Нет, это люди, жившие там, в ущелье, где сотни каменных хаток, построенных ими. И когда какая-то враждебная сила вытеснила их из родной горной долины, они решили окаменеть и остались охранять свои каменные сооружения. Так они любили свою малую родину, что ушли из жизни, превратившись в каменные статуи, но остались на страже родной Мижипсты».

Картина изображает одиночные и групповые горельефы с иллюзорно переданными анатомическими деталями, элементами одежды, головными уборами кавказского покроя.

Позже в сборнике АГК (Адыгейский госуниверситет) мной была написана и опубликована статья, в иллюстрации к которой были включены более детальные прорисовки Кизинчанских природных антропоморфных скульптур [8, с. 107].

От Кизинчанской скалы один километр до ст. Баговской. От ее северной окраины по восточному склону дорога взбиралась на хребет Герпеген и по нему через 15 км спускалась в п. Псебай. На середине Герпегена — Богатырская скала, изображенная в пастели, но ее, к сожалению, нет.

Дальше путь шел до Большой Лабы вдоль хребта Мыфэргут, в системе которого расположен приток М. Лабы Гуанэкопс, а на нем — замечательный памятник природы Псебайские церкви. Наротив них на террасах имеется раннесредневековое поселение. Картина «Псебайские церкви» изображает выветренные известняковые скалы с причудливыми архитектурными формами, иллюзорно напоминающими луковки русских церквей.

Большую Лабу торговый маршрут пересекает у с. Курджиново; в его окрестностях — известный раннесредневековый могильник «Мощевая балка», в котором найдены шелково-тканые элементы одежды. Следующий пункт — ст. Преградная, где можно видеть (и добраться до ближайшего обозрения) аланские скальные катакомбы в отвесах р. Уарпа (Урупа). На пересечении р. Большой Зеленчук (по-адыгски — Инджишко) — станица Зеленчукская. От нее по Большому Зеленчуку (вдоль него) через п. Архыз можно добраться до Марухского и Санчарского перевалов, далее в Абхазию, Колхиду, затем на юг через Малую

Азию в Сирию. Через ст. Кардонникскую, Карачаевск, по Теберде можно подняться на Клухорский перевал и в Абхазию.

Если представить движение в обратном направлении, то из Средней Азии в обход Каспийского моря с севера караваны шли, спускаясь на Ставрополь, а у Кисловодска расходились. Одна ветка через Карачаевск вела на юг; другая (основная) по правобережью Кубани на Крым; третья, закубанская приводила в Мапу (Анапу). Как это осуществлялось, уже сказано раньше.

Разумеется, художественные изображения не обладают такой документальностью, как фотография, но иногда они не уступают в этом свойстве, а превосходят. Это в том случае, когда фотоаппарат нивелирует искусственные элементы с естественными (петроглифы).

Второе качество рисунка и картины в том, что они позволяют реконструировать некоторые элементы памятника, невидимые под землей или разрушенные на ее поверхно-

сти. Во всех случаях изображение помогает сохранности и реконструкции древнего объекта, особенно в случае его гибели. Великолепной иллюстрацией этого являются рисунки и чертежи кавказских дольменов, выполненные В. И. Марковиным в его книгах. Исследователь кавказских мегалитов совершил научный подвиг, увековечив в своих иллюстрациях многие из тех, которых уже нет. В природе их нет, но на бумаге они остались в таком виде, что о них можно говорить и писать.

Автор этих строк, воодушевленный примером Н. К. Рериха и В. И. Марковина, не столь точно и ярко, как они, но, стараясь как можно меньше уходить от реальности, пытается в своих рисунках, реконструкциях и прожектах восстановить образ древней культуры.

Живописное изображение нереконструированного памятника археологии или истории зачастую кажется туристам более убедительным и более действенным в плане познания и пропаганды, чем фотография.

Использованная литература:

1. Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987.
2. Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Дитлер П. А. Отчет об археологической экспедиции в Борисовском ущелье в 1962 г. Майкоп.
3. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Книжка 22. Выпуск 4. Тифлис, 1902.
4. Иерусалимская А. А. «Аланский мир на шелковом пути» (Мощевая балка — историко-культурный комплекс VIII – IX вв.) // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978. С. 151-162.
5. Каменев Н. Н. Развалины церкви Св. Георгия на р. Белой // Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар: 1877.
6. Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М.: Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской, 1971.
7. Ловпаче Н. Г. Древний Майкоп. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009.
8. Ловпаче Н. Г. Работы экспедиции Адыгейского пединститута // Археологические открытия СССР 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 142-143.
9. Макуин Дж. Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983.
10. Производство археологических раскопок и разведок в Кубанской области // Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. Спб.: Тип. Гл. упр-я уделов, 1900. С. 2-23.

References:

1. Anfimov, N. V., *Drevnee zoloto Kubani* (Ancient Gold of the Kuban), Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987.
2. *Archives of the Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies (AARIGI)*, Ditlev, P. A., *Otchet ob arkheologicheskoy ekspeditsii v Borisovskom ushchel'e v 1962 godu* (Report on the Archaeological Expedition in the Borisovski Gorge in 1962), Maykop.
3. Dyachkov-Tarasov, A. N., Abadzekhi (Istoriko-etnograficheskiy ocherk) (Abzakhs (Historical and Ethnographic Essay)), in *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 22, no. 4, Tiflis, 1902.
4. Ierusalimskaya, A. A., «Alanskiy mir na shelkovom puti» (Moshchevaya balka – istoriko-kul'turnyy kompleks VIII-IX vekov) («Alan Peace on the Silk Road» (Moshchevaya Balka - Historical and Cultural Complex of the 8th-9th Centuries)), in *Kul'tura Vostoka. Drevnost' i rannee srednevekov'e*, Leningrad: Avrora, 1978, pp. 151-162.
5. Kamenev, N. N., *Razvaliny tserkvi Svyatogo Georgiya na reke Belay* (Ruins of the Church of St. George on the river Belay), in *Pamyatnaya knizhka Kubanskoy oblasti*, Ekaterinodar: 1877.
6. Krushkol, Yu. S., *Drevnyaya Sindika* (Ancient Syndica), Moscow: Moskovskiy oblastnoy pedagogicheskiy institut imeni N. K. Krupskoy, 1971.
7. Lovpache, N. G., *Drevniy Maykop* (Ancient Maykop), Maykop: Poligraf-Yug, 2009.
8. Lovpache, N. G., *Raboty ekspeditsii Adygheyskogo pединstituta* (Works of the Expedition of the Adyghe Pedagogical Institute), in *Arkheologicheskie otkrytiya SSSR 1985 goda*, Moscow: Nauka, 1987, pp. 142-143.

11. Пьянков А. В. Городище «Колокольня» на р. Ходзь в Краснодарском крае // *Древности Кубани*. Краснодар: б/и, 1991.
12. Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История, 2012.
13. Тарабанов В. А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдавановского Крымского района в 1989 г. // *Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах*. Ейск: б/и, 1992.
14. Труды Государственного исторического музея. Вып. 34: Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной. М.: 1963.
15. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971.
16. Худуд-ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л.: АН СССР, 1930.
17. Akurgal E. *Hatit ve hitit uygarliklari*. Istanbul: Net Turistik Yayinlari, 1995.
9. Macqueen, J. G., *Khetty i ikh sovremenniki v Maloy Azii* (The Hittites and their Contemporaries in Asia Minor), Moscow: Nauka, 1983.
10. Proizvodstvo arkheologicheskikh raskopok i razvedok v Kubanskoj oblasti (Production of Archaeological Excavations and Surveys in the Kuban Region), in *Otchet Imperatorskoj arkheologicheskoy komissii za 1897 god*, Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1900, pp. 2-23.
11. P'yankov, A. V., *Gorodishche «Kolokol'nya» na reke Khodz' v Krasnodarskom krae* (The Hillfort «Kolokolnya» on the River Hodz in the Krasnodar Region), in *Drevnosti Kubani*, Krasnodar: no publ., 1991.
12. Rezepkin, A. D., *Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika Klady)* (Novosvobodnenskaya culture (Based on the Materials of the Klady Cemetery)), Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012.
13. Tarabanov, V. A., *Raskopki srednevekovogo krematsionnogo mogil'nika u sela Moldavanovskogo Krymskogo rayona v 1989 godu* (Excavations of the Medieval Cremation Cemetery Near Moldavanovskoe (Krymsky District) in 1989), in *Arkheologicheskie raskopki na Kubani v 1989-1990 godakh*, Eysk: b/i, 1992.
14. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* (Proceedings of the State Historical Museum), vol. 34: Popova, T. B., *Dol'meny stanitsy Novosvobodnoy* (Dolmens of the Stanitsa Novosvobodnaya), Moscow: 1963.
15. Turchaninov, G. F., *Pamyatniki pis'ma i yazyka narodov Kavkaza i Vostochnoy Evropy* (Monuments of the Writing and Language of the Peoples of the Caucasus and Eastern Europe), Leningrad: Nauka, 1971.
16. Khudud-al-Alam, *Rukopis' Tumanskogo s vvedeniem i ukazatelem V. Bartol'da* (The Manuscript of Tumansky with the Introduction and the Pointer of V. Barthold), Leningrad: AS USSR, 1930.
17. Akurgal, E., *Hatit ve hitit uygarliklari* (The Hattian and Hittite Civilizations), Istanbul: Net Turistik Yayinlari, 1995.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ловпаче Н. Г. Культурно-исторические объекты закубанской ветви «Великого шелкового пути» [Электронный ресурс] / Н. Г. Ловпаче // *Наследие веков*. – 2016. – № 3. – С. 31-38. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Lovpache.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Lovpache, N. G. *Kul'turno-istoricheskie ob#ekty zakubanskoj vetvi «Velikogo shelkovogo puti»* (Cultural and Historical Objects of the Trans-Kuban Branch of the «Silk Road»), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 31-38. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Lovpache.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ХАРСИЕВ Борис Магомет-Гиреевич

кандидат философских наук,
заведующий отделом этнологии
Ингушского научно-исследовательского
института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева
Малгобек, Республика Ингушетия, Россия

Boris M.-G. KHARSIEV

Cand. Sci. (Religious Studies,
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Head,
Ethnology Department, Ingush Research Institute for Humanities
Malgobek, Republic of Ingushetia, Russia

harsievfilial@mail.ru

Средневековая архитектура горной Ингушетии на великом торговом пути: проблемы практического сохранения и использования древнего наследия

В статье рассмотрен средневековый торговый маршрут, связывавший Северный Кавказ с Закавказьем и Передней Азией и пролежавший через Дарьяльское ущелье. По этому маршруту, считавшемуся кратчайшим, проходила основная ветвь Великого шелкового пути. Автор полагает, что дорожная сеть располагалась на территории современной Ингушетии и ответвлялась от основной ветви торгового маршрута, проходя через Джейрахское (Арамхинское) ущелье, далее – через Чулхойское в Ассинское ущелья и оттуда на равнину. Особое внимание уделено системе фортификационных сооружений, архитектурные характеристики которых свидетельствуют о высоком уровне развития каменного зодчества в средневековой Ингушетии. Включенность территории Ингушетии в систему международного оборота товаров и постоянное участие ингушского населения в военных походах способствовали экономическому подъему населения и расцвету материальной культуры Центрального Кавказа.

Ключевые слова: Дарьяльское ущелье, горная Ингушетия, Шелковый путь, торговые пути, архитектурные памятники, древние зодчие, культурное наследие.

Medieval Architecture of the Mountainous Ingushetia on the Great Trade Route: Problems of Practical Preservation and Use of the Ancient Heritage

The article considers a medieval trade route linked the North Caucasus with Transcaucasia and the Near East and ran through the Darial Gorge. On this route, considered as the shortest, the main branch of the Great Silk Road passed. The author believes that the road network was located on the territory of modern Ingushetia and branched off from the main branch of the trade route, passing through the Jayrakh (Aramhinskoye) gorge, then passed through the Chulhoi to the Assin gorge and from there to the plain. Particular attention is paid to the system of military fortifications, whose architectural characteristics indicate a high level of development of stone architecture in the medieval Ingushetia. The inclusion of the territory of Ingushetia into the system of international trade of goods and the constant participation of the Ingush People in military campaigns contributed to the economic recovery of the population and the flowering of the material culture of the Central Caucasus.

Keywords: Daryal Gorge, mountainous Ingushetia, the Silk Road, trade routes, architectural monuments, ancient architects, cultural heritage.

На протяжении тысячелетий Центральный Кавказ являлся «узкими воротами» из Азии в Европу, относительно близко он расположен и к Африке. На западном побережье Каспийского моря, где Кавказские горы оставляют лишь узкую полосу низменности, с древности проходил единственный удобный путь из степей Юго-Восточной Европы на Ближний Восток. Мигрирующие из Азии племена древних кочевников двигались по этому пути вслед за торговыми караванами.

Самый короткий путь с Северного Кавказа в Закавказье проходил через Дарьяльское ущелье.

«Каждому, кто впервые побывал в горных районах Центрального Кавказа, прежде всего бросается в глаза множество своеобразных надземных монументальных сооружений. Они совершенно разнотипны и различны по своему назначению. Вызванные к жизни определенными историческими условиями распада первобытно-родовых отношений (не без влияния и географического фактора), все эти сооружения составляют наиболее интересный комплекс материальных исторических источников, непосредственно связанных со средневековой историей многих современных народов Кавказа. В этом отношении горная зона Ингушетии не составляет исключения. Больше того, из всех горных районов Северного Кавказа современная Ингушетия отличается, пожалуй, наибольшим количеством этих памятников и лучшей их сохранностью» [5. с. 58].

Благодаря географическим и природным условиям на Центральном Кавказе издревле возникают крупные укрепления, крепости, замки, а также древние города. Этот перекресток торговых и военных магистралей имел эффективную оборонительную систему и мог отразить нападение врага. Крепости выполняли функции торговых центров, что позволяло местному населению развивать ремесла и различные взаимовыгодные связи. Здесь также происходил обмен товаров и технологий, исторически складывалась передовая индустрия и архитектура.

«Дарьяльское ущелье – наиболее удобный проход в Закавказье и далее в Переднюю Азию, по нему проходила основная ветвь Великого шелкового пути. Сеть дорог этого пути

на территории современной Ингушетии представляется следующим образом: ответвление пути от основной ветви проходило через Джейрахское (Арамхинское) ущелье и далее через Чулхойское в Ассинское ущелье и оттуда уже – на равнину. Еще одна боковая ветвь Великого шелкового пути, идущая от Дербента на запад, проходила через территорию ... Ингушских древних городищ. Ветви шелкового пути проходили также по долине реки Сунжи с востока на запад, по долине Камбилеевки с юга на северо-запад (от Дарьяля к Эльхотовским воротам) и далее – через Ачалукский проход с юга на север. Система древних ингушских городищ расположена на стыке гор и равнины между выходами на плоскость из Дарьяльского и Ассинского ущелий» [4. с. 119]. Предания гласят, что на этом пути, в узких ущельях, стояли двенадцать крепостных ворот.

«Наиболее древними из первой группы архитектурных памятников горной Ингушетии нужно считать жилые башни — «гала». «Гала» являются непременной принадлежностью каждого горного аула» [5. с. 58].

Изучая источники по истории Кавказа, археологические материалы и архитектуру древних поселений, мы пришли к выводу, что транскавказские дороги выполняли роль не только торговых артерий между центрами цивилизаций, но и являлись главными путями перемещения войск.

Зачастую военные дружины, как и купцы, покупали у горцев право на беспрепятственный проход через Дарьяльское ущелье, что приносило немалые доходы.

В период средневековья географически выгодное положение Ингушетии способствовало культурному развитию горного края. «Контролируя главный кавказский проход – Дарьяльское ущелье – и держа под постоянной опасностью вооруженного вторжения закавказские страны, в первую очередь Картли, нахский (древнеингушский) союз племен представлял грозную силу для того времени». Видимо, именно этим следует объяснять политическое влияние предков ингушей (дзурдуков) на Картли, имевшее место на заре ее государственности (III в. до н.э.)» [4. с. 119].

Караванные тропы пролегали через пустыни и тяжёлые горные переходы, купцы нуждались в отдыхе и охране под стенами

замков и крепостей и готовы были платить за свою безопасность. Поступление денег в виде налога за проход через территорию, а также прибыль с торговли создавали условия для строительства новых и перестройки старых укреплений на торговых путях, в том числе в Ассиновском и Дарьяльском ущельях.

В пределах видимости первой оборонительной системы и в соответствии с ее задачей строили следующую крепость.

В узких ущельях Горной Ингушетии глубоко эшелонированная оборонительная система в виде крепостей и замковых сооружений, нависших над дорогами, стала частью торгово-экономического пространства и соединила Кавказ со странами Ближнего и Дальнего Востока. Товары со всего мира пошли по хорошо охраняемому пути. Продукция местных ремесленников и полезные ископаемые обменивались и покупались чужеземными купцами.

«Обработка металла у ингушей имеет очень давние традиции. Богатая металлом сырьевая база Центрального Кавказа была известна еще со II тыс. до н.э. Это такие металлы, как медь (*цласта*), олово (*глале*), бронза (*геза*), свинец (*даш*), железо (*аьшк*), золото (*дошув*), серебро (*дотув*)» [4. с. 64]. «Местные мастера владели такими техническими приемами обработки металлов, как литье,ковка, чеканка, тиснение, инкрустация, волочение» [2. с. 26].

Включенность Центрального Кавказа в международную систему торговли и обмена способствовала расцвету культуры и образования, росту технологии средневековой индустрии Центрального Кавказа. Совершенствовалась военно-фортификационная система как стратегическое направление. Очевидно, что математическая школа в этих местах была очень развита, геометрия боевых сооружений башен безупречна. «По сведениям Вахушти, ингуши «умеют строить из камня на извести и из них воздвигают дома, башни и укрепления» [3. с. 176].

Великий Шелковый путь через Северный Кавказ функционировал, по некоторым сведениям, до падения Константинополя в 1453 г. под натиском турков-османов.

Результаты инженерного мастерства средневековой Ингушетии можно увидеть и в наше время. «Здесь, на сравнительно неболь-

шой территории, очень густо сосредоточены... уникальные памятники старины, особенно каменного зодчества, часто не имеющие аналогов как по значимости, так по количественному и качественному разнообразию во всем мире. Прежде всего, это весьма обильные, разнотипные и разновременные (начиная с эпохи бронзы и до первой половины XIX в.) крупные каменные фортификационные строения..., мощные замковые комплексы, труднодоступные скальные убежища, приземистые сакли и придорожные «гостиницы», протяженные заградительные и оборонительные стены...

«Ингушские боевые башни «воув» являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего населения края. Они поражают простотой формы, монументальностью и строгим изяществом. Боевые башни Чечено-Ингушетии — высокие образцы техники и строительного искусства того времени. Несколько перефразируя Константина Симонова, высоко оценившего сванские башни, можно сказать, что ингушские башни для своего времени были подлинным чудом человеческого гения, как для нашего столетия новые шаги человека в небо» [5. с. 88].

Воздвигались «замки» по заранее обдуманному плану. Обыкновенно они сооружались на площадках, имеющих стратегическое значение. Это были или утесы, круто обрывающиеся с трех сторон, к которым можно пробраться только по узкой тропе по хребту утеса (как в с. Горак), или оконечности небольших горных кряжей (как в с. Фалхан), где подступы к воздвигнутому «замку» прикрывались двумя боевыми башнями.

По нашему мнению, включенность территорий в систему международного оборота товаров и постоянное участие ингушского населения в военных походах, что приносило существенную прибыль в виде трофеев (эта тема нуждается в отдельном исследовании), способствовали экономическому подъему населения и расцвету материальной культуры Центрального Кавказа. В этих условиях появляются уникальные по своей точности башенные и замковые постройки. Наверное, никого не надо убеждать, что для такого строительства необходимы точные математические знания, технологии, инструменты и приборы.

На различных этапах исторического развития торговые караваны, в том числе из Индии и Китая, средневекового Ширвана и т. д., оставили следы в виде археологических находок.

О Великом Шелковом пути через Северный Кавказ можно найти упоминание в различной литературе, но эти сведения имеют фрагментарный характер и больше касаются торговли с территориями средневековых государств, а также содержания товаров или состава купеческих общин.

Обилие шелковых тканей в различных захоронениях наглядно демонстрирует прохождение именно здесь одного из маршрутов Шелкового пути.

В раннем средневековье шелк был мерой ценности. «Из хорошо датированного материала раньше всего следует указать на находки иранских шелковых тканей. Два таких прекрасных образца (кусочек ткани и мешочек) были обнаружены экспедицией ГИМ (Государственного исторического музея) в 1938 г. в надземном двускатном склепе близ с. Хамхи. По определению Л. И. Якуниной, находки представляли собой ткани иранского происхождения и относились к XV—XVI вв. [1. с. 10].

Из стран, прилегающих к Каспийскому морю, доставлялись пряности, ковры, шелковые ткани и многие другие товары, которые через Дарьяльское ущелье уходили дальше на юг и в обратную сторону. Караванными путями, через средневековый Магас, товары шли на север и северо-запад. Все это способствовало интегративным связям народов Кавказа с народами средневековой Руси и Европы.

На средневековых путях были расположены и христианские храмы. Выдающимся архитектурным сооружением, связанным с христианской религией, является одноапсидный храм «Тхаба-Ерды».

«Храм «Тхаба-Ерды» как бы венчает целую группу христианских храмов, располо-

женных в той же Ассинской котловине: «Алби-Ерды», «Гали-Ерды», храм у с. Таргим и др. Все они также одноапсидны и различаются лишь размерами и некоторыми архитектурными деталями. Сложены они из обработанных и хорошо подогнанных каменных плит местного происхождения. Иногда карнизы храмов украшены рельефным орнаментом грузинского облика. Внутри стены сохранили следы фресок. Таргимский храм подробно описан Л. П. Семеновым» [6. с. 302].

Между тем торговые маршруты не ограничивались только шелковыми караванами.

Понятие «Шелковый путь» отчасти условно: шёлк не был единственным товаром международной торговли на трассах «Шёлкового пути». Перевозилось множество других товаров, причем не только с Дальнего Востока, но и с Запада на Дальний Восток: средиземноморское стекло и «золотоподобная латунь», драгоценные камни и кораллы, экзотические африканские птицы и животные, среднеазиатские кони и плоды – «величиной с гусиное яйцо золотые персики Самарканда», о которых пишут китайские хроникёры эпохи Тан (VII-X вв.). Торговые контакты были двухсторонними изначально.

Транскавказская магистраль никогда не теряла своего экономического и военно-стратегического значения.

Сохранившаяся до нашего времени средневековая архитектура ингушей является культурным наследием народов России. Здесь каждый камень, положенный руками средневекового зодчего в стену величественной башни, святилища или солнечного могильника, – историческая ценность, достойная сохранения и всестороннего изучения.

Представляется, что средневековые архитектурные памятники Горной Ингушетии, в комплексе с другими объектами культурного наследия Северного Кавказа, необходимо ввести в культурный оборот как цивилизационный бренд юга России.

Использованная литература:

1. Аккерман Ф. Шелковая шпалера XVI века // III Международный иранский конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. (Ленинград, сентябрь 1935). М.-Л.: АН СССР, 1939. С. 6-12.

References:

1. Ackerman, Ph., Shelkovaya shpalera XVI veka (A Sixteenth Century Silk Tapestry), in *III Mezhdunarodnyy iranskiy kongress po iranskomu iskusstvu i arkheologii. Doklady.* (Leningrad, sentyabr' 1935) (The Third Int. Congr. of

2. Анчабадзе Г. З. Вайнахи. Тбилиси: б/и, 2001.
3. Ингуши. Отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, Л. Т. Соловьева. М.: Наука, 2013.
4. История Ингушетии / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. Магас: Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, 2011.
5. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.
6. Семенов Л. П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23: Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е. И. Крупнова. М.: АН СССР, 1951. С. 302-306.
- Iranian Art and Archeology (Leningrad, September, 1935)), Moscow-Leningrad: AS USSR, 1939, pp. 6-12.
2. Anchabadze, G. Z., *Vaynakhi* (Vainakhish Peoples), Tbilisi: no publ., 2001.
3. *Ingushi* (The Ingush), Albogachieva M. S.-G. , Martazanov A. M. and Solov'eva, L. T. , Eds., Moscow: Nauka, 2013.
4. *Istoriya Ingushetii* (The History of Ingushetia), Kodzoev, N.D., Ed., Magas: Ingushskiy nauchno-issledovatel'skiy institut gumanitarnykh nauk imeni Ch. Akhrieva, 2011.
5. Krupnov, E. I., *Srednevekovaya Ingushetiya* (Medieval Ingushetia), Moscow: Nauka, 1971.
6. Semenov, L. P., K voprosu o kul'turnykh svyazyakh Gruzii i narodov Severnogo Kavkaza (On the Issue of the Cultural Ties of Georgia and the Peoples of the North Caucasus), in *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, no. 23: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* (Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus), Krupnov, E. I. , Ed., Moscow: AS SSSR, 1951, pp. 302-306.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Харсиев, Б. М.-Г. Средневековая архитектура горной Ингушетии на великом торговом пути: проблемы практического сохранения и использования древнего наследия [Электронный ресурс] / Б. М.-Г. Харсиев // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 39-43. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Kharsiev.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Kharsiev, B. M.-G., *Srednevekovaya arkhitektura gornoy Ingushetii na velikom trgovom puti: problemy prakticheskogo sokhraneniya i ispol'zovaniya drevnego naslediya* (Medieval Architecture of the Mountainous Ingushetia on the Great Trade Route: Problems of Practical Preservation and Use of the Ancient Heritage), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 39-43. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Kharsiev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАУМЕНКО Владимир Емельянович
кандидат исторических наук, профессор,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия

Vladimir E. NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Head,
Department for Complex Issues of Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
vladimirnaumenko.krd@gmail.com

Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX в.)

Статья посвящена становлению кубанского краеведения, мощный импульс развитию которого был дан в конце XIX - начале XX вв. В это время сформировалась плеяда провинциальных историков, деятельность которых стала значительным вкладом в науку и культуру региона. Их усилиями удалось поставить дело охраны памятников на государственную основу. При их участии была разработана местная законодательная база, которая во многом опережала и дополняла российское законодательство по данному вопросу. Кубанскими историками в деле охраны памятников культуры использовались разнообразные методы просветительской работы: лекции, издание популярных брошюр, экскурсии, публикации в периодической печати, музейные экспозиции и т. д. Опыт, накопленный историками Кубани в исследуемый период, может быть с успехом использован и в наши дни в деле охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: Кубань, краеведение, охрана историко-культурного наследия, наука, культура.

Activity of the Kuban Historians on the Protection of the Region's Cultural Heritage in the 19th - the Early 20th Century

The article is devoted to the formation of the Kuban regional studies, a powerful impulse to the development of which was given in the late 19th - the early 20th centuries. At that time, a constellation of provincial historians was formed, whose activities became a significant contribution to the science and culture of the region. By their efforts the protection of monuments was put on a state basis. With their participation a local legislative framework was developed, which outstripped and supplemented general line of development of the Russian legislation on this issue in many respects. In the protection of cultural monuments Kuban historians used various methods of educational work: lectures, publication of popular works, excursions, publications in the periodical press, museum expositions, etc. The experience accumulated by historians of the Kuban during the studied period can be successfully used for the protection of historical and cultural monuments in our days.

Keywords: Kuban, Regional Studies, protection of historical and cultural heritage, science, culture.

В год 110-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева неизмеримо возрос интерес российской научной общественности, в частности, среди культурологов, к его творчеству. Эта сторона научных интересов Дми-

трия Сергеевича отмечается и зарубежными исследователями его творчества, такими, например, как британский литературовед Робин Милнер-Галланд, опубликовавший в шотландском журнале "Slavonica" статью о его научной

деятельности, в которой охарактеризован вклад одного из величайших отечественных исследователей прошедшего столетия в мировую славистику [34].

Выдающийся отечественный культуролог А. С. Запесоцкий отмечал: «Взгляд Дмитрия Сергеевича на историю – это, безусловно, взгляд культуролога. По Лихачеву, история России – это история ее культуры» [13, с. 137]. В определенном смысле слова, эта общая характеристика его творчества, и она не противоречит другим важным «точечным» аспектам его научных интересов, относящихся, например, к определению места и роли русской интеллигенции, отношению к краеведцам и краеведческому движению, охране культурного наследия и др. Исследователь вполне справедливо подметил, что «труды академика – настоящий гимн русской интеллигенции» [13]. В одной из своих работ Дмитрий Сергеевич дал замечательную характеристику передовой русской дореволюционной интеллигенции «как некому духовному сообществу» [23, с. 3-9]. В российской истории культуры эти духовные сообщества воплотились на региональном уровне в создании, в том числе, краеведческих объединений, которые функционировали по всей России. Одним из таких объединений было «Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), созданное на Кубани. Изучение деятельности этого общества, объединившего представителей провинциальной культуры, дает представление о широте и многообразии его деятельности. Жанр статьи не дает возможности раскрыть и охарактеризовать в полном объеме все направления исследовательской, просветительской, организационной работы участников этого объединения. Выбор одного из направлений, а именно охрана культурно-исторического наследия, в деятельности общества не случаен. Во-первых, в нем как бы сконцентрированы все основные направления деятельности «Общества», во-вторых, именно на этом поприще сложились богатые краеведческие традиции Кубани, и появилась плеяда замечательных историков-краеведов, ставших знаковыми фигурами провинциальной культуры.

Охрана культурно-исторического наследия на Кубани имеет давнюю традицию. Зарождение интереса к древностям связано

в нашем крае с первыми шагами пребывания здесь Черноморского казачьего войска. Казаки, за которыми закрепилось несущее огромный смысл название – «рыцари Православия», прибыв на Северо-западный Кавказ, конечно, знали о проповеднической деятельности на этих землях апостола Андрея Первозванного. Они столкнулись с обильными остатками материальной культуры, ранее проживавших здесь народов. К моменту прибытия на Кубань запорожских казаков здесь в большом количестве сохранились рудименты культурного наследия живших здесь в прошлом народов: развалины православных храмов, монастырей, остатки материальной культуры Тмутараканского княжества, древнегреческих и гетуэзских поселений, памятники культуры кочевых народов облюбовавших эти благодатные земли. Многие из истории этого края нашло отражение в фольклоре народов Кавказа, воспринятом впоследствии и поселившимися здесь казаками. Имеются упоминания об этом в отдельных письменных источниках [32]. Традиции материальной прошлых эпох культуры были отражены и в возведенных казаками первых архитектурных сооружениях. В 1793 г. был основан Свято-Покровский храм (ст. Тамань) - первая казачья церковь на Кубани, - который повторяет элементы византийского и древнегреческого храмового зодчества, представленного здесь на Северо-Западном Кавказе задолго до поселения казаков [9], [21, с. 28-30].

Но представить дело таким образом, что казачеством в тот период было понятно происхождение многих памятников материальной культуры, осознавалась их научная ценность, а, следовательно, необходимость их регистрации и охраны, было бы не совсем верно. Приведенные выше примеры были скорее исключением.

Историю письменного фиксирования памятников культуры на Кубани можно разделить условно на два крупных периода (это не исключает, однако, и более дробного деления). Первый период самый длительный. Он связан с растянувшимся на несколько столетий процессом вхождения Северного Кавказа в состав России. Хронологические рамки этого этапа мы считаем с XVI в. по середину XIX в. Этот этап не весь входит во временные рамки

нашего исследования. Второй период, после окончания так называемой Кавказской войны, в результате которой произошло присоединение Северокавказских земель к России. Официальной датой этого события установлен 1864 г. (начало этапа). Окончание этого этапа – 1917 г., когда прекратила свое существование Российская империя.

Первый период отличает скудность сведений о памятниках культуры. Этому есть объяснение, т. к. ни многочисленные адыгские племена, ни ногайцы, проживавшие в этом регионе, не имели своей письменности. Византийские, а затем турецкие источники, свидетельства иностранных путешественников мало изучены. А те из них, что включены в научный оборот, имеют иные цели¹.

Наличие первых систематических знаний о памятниках культуры, оставшихся от древних времен, связано с постоянным присутствием на Кавказе русских, начиная с XVIII в. Первые попытки их проникновения на Кубань в новое время связаны с именем Петра I и появлением в 1733 г. на Кубани русских войск. С 70-х гг. здесь появляются уже постоянные военные укрепления, а в 1792-1793 гг. было создано черноморское казачье войско, которое заняло правый берег Кубани от устья до ст. Васюринской [16].

Вскоре происходит освоение Закубанских территорий и переселение сюда казачьих станиц, поближе к предгорьям. В 1864 г. завершается процесс присоединения Северо-западного Кавказа к России. Таково схематическое изображение исторических событий, являющихся рубежом, своего рода точкой отсчета, с которой мы можем судить о зарождении устойчивого интереса русского общества к памятникам культуры Кубани. Этими событиями обусловлен второй период, связанный с развитием знания о памятниках культуры Кубани, и он приходится в основном на пореформенный период.

В это время имели место процессы интеграции Северо-Западного Кавказа в политическую, экономическую, культурную жизнь российского государства. В регионе произошли мощные сдвиги в экономическом и культурном развитии. Активизировалось освоение

новых территорий, недр, возросли масштабы распашки земель под посевы зерновых культур, осуществлялась во всевозрастающем объеме вырубка лесов, прокладывались дороги, расчищались места под новые станицы и города, т.е. шло экстенсивное освоение края. Известная бесконтрольность, а иногда и попустительство властей приводили к безвозвратному уничтожению памятников культуры. Например, строительный материал, из которого были сооружены древние постройки, шел на возведение объектов хозяйственной деятельности вновь прибывающего населения. Нидерландский посланник в Одессе Тебу-де-Мариньи, посетивший г. Новороссийск 9 июня 1839 г., писал в своих воспоминаниях: «...В бухте Тсемес, куда я прибыл 9 июня, на берегу рождающегося города Новороссийск существуют еще следы древней постройки. Я поспешил снять с нея план, потому что скоро не останется от нея ровно ничего: камни отсюда разбираются на постройку новых зданий. Курганов в постройке этой, представляющей род укрепления, не заметно, но их много к юго-востоку, поднимаясь отсюда к южному форту Новороссийска и оттуда к морю. Значительная часть их раскопана уже из любопытства или уничтожена вследствие новых построек Русского поселения» [24, с. 630]. В массовом порядке разбирались уникальные древние сооружения – дольмены, огромные камни которых шли на фундаменты домов прибывающего населения, на сооружение мельничных жерновов и т.п. [25, с. 4]. Такое положение дел объяснялось вполне конкретными объективными и субъективными причинами. Во-первых, шла Кавказская война. Во-вторых, обустройство казачества на новых землях, хотя и имело характер целенаправленных действий государства, зачастую осуществлялось по принципу – лес рубят - щепки летят. В-третьих, совершенно отсутствовала нормативно-правовая база охраны культурного наследия в стране. В-четвертых, низкий культурный уровень населения и т.д. Осознанию важности мероприятий по охране памятников культуры значительной частью населения края предшествовала многолетняя деятельность представителей местной интеллигенции и особенно кубанских историков.

¹ См. работы Э. Спенсера, Дж. Де Лукки, И. Шильтбергера, И. Бламберга и др.

Впервые на Кубани вопрос об охране памятников культуры поднимает выдающийся деятель региональной культуры, просветитель кубанского казачества К. В. Россинский. В первые десятилетия поселения Черноморского казачества на Кубань им много внимания уделялось вопросам изучения и сохранения культурно-исторического наследия. Исследователь его подвижнической деятельности М. Ю. Горожанина отмечает, что, изучая Черноморию, К. В. Россинский не мог оставаться равнодушным к археологическим находкам. Он стремился посредством их изучения получить новые данные и сохранить наиболее уникальные из них для потомков. С этой целью им был создан в Екатеринодарском уездном училище мини-музей археологических древностей, где хранились экспонаты, найденные им на Таманском полуострове и в районе Ангелиновского лимана. И хотя специального труда по археологии у К. В. Россинского нет, тем не менее, его вклад в изучение древней истории Кубани хорошо виден из переписки с П. И. Кепенном, которого протоиерей постоянно держал в курсе всех археологических исследований в Черномории. Так, в 1819 г. К. В. Россинский сообщал П. И. Кепенну об уникальной находке древних камней близ Агденизовки. Отправившись туда и лично занявшись изучением древних камней, К. В. Россинский не только сделал перевод древнегреческих записей, имеющих на них, но и установил, что в древности в районе Агденизовки находился большой греческий город, остатками стен которого и являются найденные им камни. Несмотря на то, что К. В. Россинский никогда не занимался целенаправленным археологическим исследованием Черномории, его бережное отношение к археологическим находкам значительно облегчило поиски будущих исследователей. Примечательно, что К. В. Россинский был первым из исследователей Черномории, который уделял должное внимание археологическим находкам. Именно им положено начало созданию подробного археологического описания древностей Черномории [10, с. 28-29].

Усилению внимания к охране памятников культуры на местах способствовала и деятельность центральных органов власти Российского государства. Впервые вопрос об охране памятников архитектуры был поставлен на

государственном уровне при Николае I. По инициативе императора 31 декабря 1826 г. издается циркуляр МВД, предписывавший выявлять на местах памятники архитектуры и организации их охраны. Документ обязывал губернаторов сообщать сведения о наличии и состоянии в губерниях древних зданий. Запрещалось разрушать эти объекты и т. п. В первой половине XIX в. указами Сената и Синода, циркулярами МВД и других центральных правительственных учреждений предпринимались активные действия по сбору информации о памятниках культуры, составлению их реестров, принимались решения о запрещении слома наиболее интересных в историческом плане построек. Важной составляющей государственных актов было запрещение несанкционированных раскопок, утаивания найденных предметов старины. В целях организации работы по сохранению памятников культуры предлагалось создание научных обществ в обязанности, которых входила бы и охрана памятников. Вместо конкретной работы много времени тратилось на бюрократические процедуры. Не было единого органа, где были бы сосредоточены вопросы охраны памятников культуры. В эту работу привносился и субъективный фактор, связанный с огромным влиянием царя и царского двора на указанные процессы.

В 1859 г. во многом для решения этих вопросов была создана Императорская Археологическая комиссия. Основной задачей комиссии была признана работа по организации археологических раскопок на территории государства. Одновременно с этим для всех государственных учреждений Археологическая комиссия являлась головным учреждением по широкому кругу вопросов, связанным с охраной памятников культуры. Законодательная база, обеспечивающая охрану памятников культуры, серьезно запаздывала от потребности решать назревшие вопросы. Одной из причин оставалась теоретическая непроработанность терминологии. Существовало различие в понятии «памятник древности». Можно ли было считать памятники российской истории, объектами, подлежащими охране? Т. е., не были определены критерии, по которым объект историко-культурного наследия мог быть отнесен к числу памятников, подлежащих охране.

Вместе с тем законодательное решение этих вопросов стало насущной необходимостью. Значительное внимание этой проблеме уделяло Московское археологическое общество, по инициативе которого стали проводиться Всероссийские археологические съезды. На I съезде, состоявшемся в Москве в 1869 г. был представлен разработанный МАО «Проект мер охранения памятников старины». Анализ этого документа дает основание считать, что это был, с точки зрения юриспруденции, не законопроект в готовом виде. Документ обозначал необходимые меры для организации на государственном уровне работы по сохранению «памятников старины от повреждения или от разрушения». Документ предусматривал составление списка памятников и их регистрацию. Намечались меры по объединению усилий общественности и государственных органов в деле охраны памятников.

Идеи «Проекта мер охранения памятников старины» были приняты I Археологическим съездом за основу. В доработанном виде он был представлен II Археологическому съезду в 1871 г., после одобрения которым был направлен на рассмотрение государственным органам. Главным положением в проекте было создание Императорской комиссии о сохранении исторических памятников, которая создавалась при Министерстве народного просвещения. Дело по созданию комиссии не было доведено до конца. Министерством финансов ей было отказано в финансировании. Тем не менее, этот документ повлиял на понимание государственными структурами важности организации работы по охране памятников древности. Заинтересованными структурами были изданы указы и распоряжения по данному вопросу, что напрямую повлияло и на создание законодательной базы на местах. На этом этапе в региональной истории охраны памятников культуры Кубани четко определилось несколько вех, связанных с совершенствованием дела охраны памятников культуры.

Заметным в деле охраны памятников культуры было событие, связанное с созданием в станице Ключевской музея командиром Псекупского полка И. Д. Попко, впоследствии известного историка. В июне 1864 г. он обратился к начальникам станиц, входивших

в полк, со специальным посланием. В нем он обратил внимание на следующее: черкесы, населявшие ранее эти места, не оставили монументальных памятников, аулы быстро разрушаются, и долг новых жителей сохранить то, что пока еще уцелело. Полковой музей был установлен рядом со штабом, на полковом дворе, где было поставлено перенесенное из покинутого аула абадзехское жилище, и в нем были помещены экспонаты. В музее было три отделения: этнографическое, палеонтологическое и минералогическое. Там же хранились и археологические находки.

Заметный след в сохранении культурного наследия края внес историк краевед полковник Н. Л. Каменев. В 1866 г. в долине р. Псекупс он вел официальные раскопки. С его именем связан начальный этап систематического изучения и описания памятников культуры Кубани. Им, была предпринята первая попытка создать хронологическую периодизацию курганов Закубанья и увязать выделенные типы с народами, известными по письменным источникам и преданиям. Н. Л. Каменев попытался локализовать предметы культуры, наблюдаемые в раскопках, обосновать датировки предметов. Его по праву считают пионером археологии на Кубани.

Кубанские историки В. М. Сысоев, К. Т. Живило, И. Е. Гладкий, Е. Д. Фелицын, Ф. А. Щербина, П. П. Короленко и многие другие вели активную разъяснительную работу по охране памятников культуры через периодическую печать, публичные лекции, проведение экскурсий, работу войскового музея и т.п. Систематически материалы о случайно найденных древностях публиковались на страницах газеты «Кубанские войсковые ведомости». Это поддерживало общественный интерес к делу охраны памятников культуры области, что давало положительные результаты.

Так, в станице Тульской Майкопского отдела была разоблачена шайка кладоискателей, у которых было отобрано исторических ценностей на сумму 1000 рублей. Атаманом станицы Таманской было привлечено к ответственности до 50 человек за незаконное кладоискательство [25, с. 10] [25, с. 13]. В приказе наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта графа Сумарокова-Эльстона, в связи с находкой древнего

золота близ ст. Ново-Александровской, было обращено внимание местного начальства и всего населения на действия, приведшие к сохранению «древних и дорогих редкостей, скрытых в земле Кубанской» [16].

Следующий этап в деле охраны памятников культуры на Кубани связан с именем выдающегося кубанского историка Е. Д. Фелицына. Разнообразие его интересов и направлений деятельности остается только удивляться. Большую работу историк провел по увековечиванию памяти М. Ю. Лермонтова. Осенью 1879 года он совершил поездку в Тамань, где исследовал места пребывания поэта. Им были сделаны рисунки и описание хаты казака Мысника, где останавливался поэт. Эти материалы были опубликованы первым биографом Лермонтова П. А. Висковатым [14, с. 19-21].

Занимаясь историей Кубанской области, Е. Д. Фелицын глубоко изучил историю Кубанского казачества и горских народов. Современники высоко оценивали его деятельность. На V археологическом съезде в Тифлисе о нем говорилось: «Находясь вдали от главнейших центров науки, единоличным трудом, при ничтожных средствах, он смог накопить необходимый материал для создания священного здания науки и стать энциклопедией Кавказа, живой летописью его» [27].

В стремлении познать древнюю историю народов, населяющих Северный Кавказ, он с большим энтузиазмом занимался археологией края, выявлением, описанием, сбором и охраной памятников материальной культуры. В 1879 г. он обнаружил в Екатеринодаре и отправил в Москву две греческие плиты, считавшиеся уже потерянными для науки, на которых значились имена Левкона, царя синдов и Ксеноклида (IV в. до н. э.). В начале XIX века они были найдены казаками и до 1846 г. хранились в церкви станицы Ахтанизовской [18].

Усилия историка по охране памятников культуры были высоко оценены V археологическим съездом, проходившим в Тифлисе в сентябре 1881 г., в подготовке которого он принимал деятельное участие. Здесь же на съезде он вносит важное в деле охраны памятников культуры предложение о создании археологической карты России. Цель такого картографирования он видел в предотвращении

хищнических раскопок и утрате памятников. В 1882 г. Императорским Московским археологическим обществом издается археологическая карта древностей Кубанской области, предоставленная Е. Д. Фелицыным, с обозначением памятников знаками, утвержденными Стокгольмским археологическим съездом. Это была первая археологическая карта в России [4]. На карте, которая не потеряла своего значения в деле охраны памятников и сейчас, помечены места нахождения курганов, древних христианских храмов и часовен, памятники исламской культуры, каменные статуи, гробницы, дольмены и т. п. Многие из отмеченных на карте памятников были впервые им описаны. Он постоянно своими публикациями привлекал общественное мнение к необходимости сохранения древностей. Он использовал любую возможность (выступления в печати и перед аудиторией, организацию раскопок, транспортировку находок в места хранения, привлечение внимания руководства области и заинтересованных инстанций в столице и т. д.) для защиты памятников культуры.

В феврале 1879 г. в Политехническом музее (г. Москва) он выступает с научным докладом «Кубанские древности: дольмены – богатырские дома», который был встречен с заинтересованностью.

Е. Д. Фелицын исследовал и описал более 700 мегалитических гробниц, во многих он обнаружил обильные остатки материальной культуры народов, населявших Кубань в древности. Им были сняты копии орнаментов, нанесенных на обработанные поверхности плит. Историк вел обстоятельный журнал раскопок. На материале этого журнала в дальнейшем была написана книга «Западно-Кавказские дольмены» [17, с. 10].

Вместе с тем, усилия ученого по пропаганде бережного отношения к памятникам культуры края не всегда находили отклик у земляков. В крае имели место «масса раскопок большей частью со спекулятивной целью, ...курганы, другие земляные сооружения под различными предлогами разрываются и сглаживаются с лица земли, не оставляя по себе никаких следов, ...статуи и другие каменные памятники, имеющие столь важное значение в археологической науке, или уносятся с мест первоначального их нахождения и употребля-

ются под постройку домов, или же просто разбиваются на куски, уничтожаются» [11, с. 9] Таким образом, одних просветительских мер оказалось для улучшения дела охраны памятников не достаточно.

Е. Д. Фелицын инициирует принятие мер административного воздействия для совершенствования работы по охране памятников древности.

Им было разработано циркулярное письмо, подписанное Начальником Кубанской области, которое 19 декабря 1883 г. было направлено станичным, сельским, поселковым, аульным, слободским и колониетским правлениям Кубанской области.

В циркуляре предписывалось «в ограждение на будущее время научных интересов государства, озабоченного повсеместным сохранением вещественных памятников древности в пределах России» станичным, сельским, аульным, поселковым, слободским и колониетским правлениям «принять все зависящие от них меры к охранению от самопроизвольных раскопок, разрушения и расхищения памятников древности, находящихся в районе подведомственных им земель» [20]. В качестве мер по охране памятников культуры определялся круг лиц, имеющих право вести работу с памятниками на территории области: члены Императорской Археологической Комиссии, члены других ученых обществ, командированных специально для археологических изысканий, имеющие письменное разрешение начальника области.

Раскопки, производимые с разрешения областного начальства, должны быть обеспечены особо доверенными лицами от станичных и равных с ними правлений, «которые обязаны безотлучно находиться при раскопках до их окончания. Лица, производящие раскопки, обязаны представлять в местные правления копии журналов своих раскопок с подробным описанием найденных вещей. Журналы с описями вещей предписывалось доставлять начальнику области с указанием фамилий лиц, которым общество доверяло присутствовать при раскопках.

Циркуляром предписывалось в отношении случайных находок, найденных жителями при распашке земли, копании колодцев, погребов, при постройке зданий, обязатель-

но передавать в местные правления, которые обязаны направлять их начальнику области для последующей отправки в Императорскую Археологическую комиссию.

Лиц, утаивающих находки и тайно производящих раскопки, а разрушающих или портящих памятники древности, предлагалось незамедлительно «подвергать законной ответственности».

В целях контроля действий местных правлений по охране памятников древности предлагалось «теперь же приступить к составлению по прилагаемой (к циркуляру — В. Н.) форме подробных описей всех вещественных памятников древности, находящихся в районе подведомственных им земель, с тем, чтобы опись эта была составлена в течение шести месяцев со дня получения настоящего циркуляра и хранилась в делах правления» [25, с. 7].

Циркуляр начальника области был объявлен жителям на сходах общества и был вывешен в присутственных комнатах правлений для руководства жителям.

Важным было и то, что в циркуляре четко прописывалось, что подразумевается под понятием «памятники древности». К ним были отнесены: курганы, древние крепости или городки, земляные и каменные валы и окопы, погребальные пещеры, каменные статуи, изображающие человеческие фигуры и известные в народе под именем каменных баб, древнегреческие христианские церкви и магометанские часовни, надгробные каменные кресты и плиты с письменами, каменные башни, развалины древних колоний, плитовые каменные сооружения, называемые богатырскими домами (дольмены), древние могилы и многие другие вещественные памятники старины.

Принятые по инициативе историка Е. Д. Фелицына меры по охране памятников культуры давали свои положительные результаты. В 1888 г. у станицы Крымской жителями была обнаружена каменная гробница в обвалившемся кургане Карагодеуашх. Действуя в полном соответствии с предписаниями циркуляра, местные власти предотвратили расхищение памятника. Об этой находке сообщили Е. Д. Фелицыну. Он, в свою очередь, уведомил о ней телеграммой Императорскую Археологическую комиссию в Петербурге и, получив

разрешение на раскопки, приступил к исследованию. Найденные в кургане золотые украшения и предметы были датированы концом IV в. до н. э. Это свидетельствовало об открытии памятника мирового значения. Находки были отправлены в Эрмитаж [17, с. 10].

Большой вклад внес Е. Д. Фелицын и в сохранение памятников культуры горских народов. Им была проделана огромная подготовительная работа по изучению географического словаря Кубанской области, по изучению истории и географии расселения адыгов. По этому вопросу им был опубликован солидный труд «Численность горских и других мусульманских народов Кубанской области, с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула» [31]. Собирался историк написать и об известных черкесских фамилиях. Удачной в этом плане выглядит опыт написания большого очерка «Князь Сефер-бей Зан (политический деятель и поборник независимости черкесского народа)» [30]. Для написания указанных трудов Е. Д. Фелицын изучал и использовал фольклор адыгских народов, сам он знал многие черкесские наречия. Этим он письменно фиксировал народные предания, легенды, сказания, что, несомненно, стало не только формой сохранения памятников устного народного творчества, но и введения их в научный оборот.

Важной составляющей сохранения материальной культуры горских народов в деятельности Е. Д. Фелицына было изучение их пищи. Им были открыты неведомые для науки целебные свойства карачаевского кефира. Карачаевцы традиционно этим напитком успешно лечили многие болезни, в том числе туберкулез, рак, малокровие, кожные, детские болезни, болезни желудочно-кишечного тракта. В 1879 г. на очередную выставку в Москву вместе с предметами быта горцев он направляет и карачаевский кефир. Продукт был исследован профессорами А. Богдановым и Э. Корном, результаты лабораторного анализа кефира были опубликованы в газете «Кубанские областные ведомости» [19]. Неопровержимость полезности напитка потребовала поставить его производство на промышленную основу. С легкой руки кубанского историка в Москве и Тифлисе открываются мастерские по

приготовлению карачаевского кефира, а в Екатеринодаре у Городского сада было открыто кафе, где подавался кефир как профилактическое средство и диетическое блюдо [17, с. 11]

Бережное отношение к памятникам культуры и истории характерная черта в деятельности Е. Д. Фелицына. В круг его интересов входила и охрана памятников, памятных мест, связанных с русской историей. Им были описаны и сфотографированы памятник императору Александру II у станицы Царской, памятник сотнику Горбатко. Он подавал предложения по сооружению памятников воинской славы на территории Кубанской области. Им были разработаны церемониалы проведения празднования важнейших исторических праздников и событий, которые стали традиционными и праздновались на Кубани в XIX - начале XX в. По сути, он стоял у истоков сложения светской кубанской казачьей обрядности. Принимал он участие и в разработке идеологии памятника Екатерине II в Екатеринодаре, выполненного известным скульптором М. О. Микешиним. Е. Д. Фелицын создал «исторический образ» этого памятника. В 1882 г. на заседании Кубанского областного Статистического комитета он выступил с сообщением о предстоящем столетнем юбилее переселения Черноморского казачьего войска на Кубань, столетии основания Екатеринодара и подал предложение об установке в городе памятника Екатерине II. Идея памятника представлена скульптурной группой, которая состояла из «колоссальной статуи императрицы в царственной порфире, со скипетром и державой в руках, в позолоченной короне, из-под которой ниспадает длинный свиток. У основания фигуры – князь Потемкин–Таврический, войсковой судья Черноморского войска Антон Головатый, кошевой атаман Сидор Белый и войсковой есаул Захарий Чепега. По другую сторону были помещены знамена и войсковые знаки, пожалованные императрицей новому краю и его войску. С задней стороны памятника были помещены фигуры слепца-кобзаря и его поводыря. Здесь же был текст песни кобзаря. На фасаде помещался список побед Черноморского, а позднее – Кубанского казачьего войска, список побед героев, изображенных на памятнике. По нижнему цоколю, вокруг пьедестала, перечислялись все кубанские атаманы» [15, с. 97].

Велика роль Е. Д. Фелицына в описании и организации хранения реликвий казачьей истории – регалий Кубанского казачества. Фотографии знамен, булав, перначей, грамот, сделанные лично им, более девяноста лет до возвращения их на родину являлись единственным вещественным документом в России, сохранившим их внешний облик.

Этапным событием в деятельности Е. Д. Фелицына по сохранению памятников культуры и истории Кубани стало открытие Кубанского Войскового этнографического и естественнонаучного музея. Этот музей – главное его детище, которое он лелеял, о котором он заботился до последних дней своей жизни. Музей представлялся ему научным, собирательным, экспозиционным учреждением комплексного и регионального характера. Комплексный характер краеведческого музея выражался в его структуре и методах исследовательской и собирательной работы в регионе. Структура отделов музея могла варьироваться в соответствии с природными и культурными особенностями региона, но непременно включала отделы естественно-исторический и культурно-исторический. Идейную основу комплексного метода составил пространственно-временной подход к изучению культуры [22, с. 199]. Кубанский войсковой музей был основан Е. Д. Фелицыным в 1879 г. одновременно с Кубанским областным статистическим Комитетом [6]. В основу музея легли личные коллекции Фелицына, предметы этнографии, нумизматики, археологии. За многие из них он платил из своего небольшого жалования. Впервые свою коллекцию историк предоставил в 1878 г. на выставке Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. Оргкомитет высоко оценил труды Фелицына, наградив его золотым жетоном. Впоследствии он становится членом Комитета выставок этого общества [33, с. 491]. Трудам Е. Д. Фелицына по сохранению исторического наследия мы обязаны наличием одной из лучших в России коллекций каменных половецких статуй, которые историк свозил со всей Кубани. Эта коллекция была первой, именно она положила начало музею. В 1879 г. он опубликовал ее с выпол-

ненными самим фотографией в специальном альбоме Войскового музея. Уже тогда коллекция насчитывала более 20 «баб».

Благодаря заботам Е. Д. Фелицына музей превратился в центр развития научного краеведения на Кубани. Здесь велась научная разработка, в том числе и проблем сохранения культурного наследия области. Важной составляющей этой работы стала организация различных экспедиций по изучению области, описание станиц и городов [26, с. 576]. В 1899 г. по инициативе Евгения Дмитриевича была организована экспедиция членами Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) в Карачай. Итогом ее работы стал подробный отчет об экспедиции и коллекция предметов быта горцев, выполненных местными мастерами из дерева.

Усилиями Е. Д. Фелицына и его соратников в деле охраны памятников культуры Кубани вокруг музея сформировался большой коллектив внештатных сотрудников любителей. Активистами движения становились представители интеллигенции, священники, чиновники, мещане, простые казаки и представители казачьей интеллигенции, крестьяне, представители горских народов. Они заботились о пополнении коллекций, поддерживали разрушающиеся археологические памятники.

Е. Д. Фелицын был бессменным директором музея и хранителем исторических памятников – с 1879 по 1903 гг., то есть до своей смерти. За эти годы он сумел привлечь к музейной работе многие местные научные и краеведческие силы.

С 1897 г. ближайшим помощником Фелицына в работе по организации и деятельности музея стал учитель Екатеринодарской гимназии В. Сысоев. В значительной степени им же после смерти Е. Д. Фелицына была продолжена деятельность по охране памятников культуры Кубани.

Еще с университетской скамьи В. М. Сысоев увлекается археологией, изучением памятников древности. Его первые научные публикации были замечены научной общественностью. 29 февраля 1892 г. он был избран членом-корреспондентом Московского археологического общества. По поручению общества летом 1892 г. он приступает к ис-

следованию дольменов в Закубанье. Им был обследован обширный район в междуречье Абина и Белой. Результатом экспедиции стало описание 146 дольменов [28, с. 126].

В 1894 г. он переезжает на постоянное жительство в Екатеринодар. На протяжении 90-х гг. он проводит интересные археологические исследования. Например, в 1895 г. изучает верховья реки Кубани, бассейны рек Зеленчук и Теберда на предмет выявления памятников культуры. В этой же экспедиции он детально описывает древнейшие памятники христианства в крае - Зеленчукский и Сентинский монастыри [33, с. 449]. В 1896 г. им производятся раскопки Курджипского кургана, а в 1897 г. исследуется курган близ аула Габукай. В эти же годы выходит его работа «Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии». Очерк содержал уникальные сведения, добытые в основном автором, об археологических памятниках края. Много места в изложении занимали легенды о происхождении тех или иных дольменов, о древнерусском Тмутараканском княжестве, описание различных находок.

В. М. Сысоеву удалось привлечь к делу охраны памятников культуры известных ученых. Так, в эти годы он активно сотрудничает с профессором Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовским. Ими проводилась системная работа по изучению древностей Кубани. В какой-то степени промежуточным итогом их совместной работы была организованная в Петербурге археологическая выставка исторических памятников Кубани, имевшая большой успех.

Большую помощь в этот период В. М. Сысоев оказывает Е. Д. Фелицыну в сборе экспонатов для Кубанского войскового музея. Им на общественных началах осуществляется перепись музейной коллекции. В 1897 г. им был издан «Краткий указатель археологических, естественноисторических и этнографически-промышленных вещей и предметов, имеющих при Кубанском областном статистическом комитете» [29].

Коллекция музея в этот период насчитывала более 2 тысяч предметов по истории и археологии, около 1 тысячи монет и более 600 экспонатов по этнографии. В 1898 г. он возглавляет экспедицию в Карачай. Ее итогом

стали собранные уникальные сведения по этнографии, истории, археологии, экономике, метеорологии, геологии и природе этого удаленного уголка Кубани, тем самым было положено начало комплексному изучению области местными научными силами.

Большой вклад в дело охраны памятников культуры внесли последователи Е. Д. Фелицына, его приемники на посту директора музея, известные представители кубанской интеллигенции: В. А. Щербина (1903-1907), К. Т. Живило (1907-1910), И. Е. Гладкий (1910-1921). Их стараниями в Войсковом музее были собраны и сохранены казачьи реликвии, предметы кубанской истории. В деле охраны памятников культуры ими были предложены и осуществлены интересные формы работы. На базе музея была, по сути, создана полномасштабная структура, работающая на сохранение памятников культуры региона. Так, при музее был создан Совет общественных сотрудников-любителей Войскового музея. В Совете были представители интеллигенции города и области, учителя школ и гимназий, священнослужители, атаманы станиц и отделов, чиновники, представители полиции, мещане, купцы, рядовые казаки. Почетным председателем Совета и почетным сотрудником музея был Наказной атаман. С 1909 г. эти функции выполнял начальник Кубанской области М. П. Бабыч (1844-1918), потомственный кубанский казак. Почетными общественными сотрудниками становились только по специальному разрешению Наказного атамана. Списки сотрудников ежегодно публиковались в газете «Кубанские областные ведомости». Тем, кто дарил музею предметы старины, выдавался почетный диплом. Почетные сотрудники наблюдали за охраной памятников культуры в области. Особенно плодотворную работу вели активисты в Таманском и Майкопском отделах, богатых курганами, дольменами, городищами. Почетные сотрудники из казаков, находясь на службе в различных уголках России и за ее пределами, старались приобретать и в последующем дарить музею предметы старины. Так, были сформированы уникальные коллекции Войскового музея, выходящие даже за рамки областного значения. Украшением музея стали коллекции русских головных уборов XVIII – первой половины

XIX в., китайские и японские ювелирные украшения, народные музыкальные инструменты из Персии, Грузии, Турции, Украины; редкие документы и фотографии [8].

Одиннадцать лет войсковой старшина кубанский историк И. Е. Гладкий нес ответственную службу в музее. Благодаря его стараниям инициировалась деятельность местных властей по совершенствованию законодательной базы охраны памятников культуры. Успешное формирование местного законодательства в значительной степени зависело от позиции областной администрации. Здесь свою четкую линию проводил атаман кубанского казачьего войска, начальник Кубанской области М. П. Бабыч. «Наш кошевой батько, - пишет кубанский историк И. Е. Гладкий, - генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч, всемерно радеющий о пользе и славе родного ему по духу и плоти славного Кубанского казачества, после принятия с Высочайшего соизволения Атаманской булавы, в числе многих забот не проминул также обратит своего взора и на слабую постановку дела в Кубанской области и в отношении охраны памятников старины, что и выразил в ... своих горячих призывах ко всем обывателям области, приглашая всемерно щадить памятники старины...» [25, с. 11]. Гладкий поднял вопрос сохранения исторических памятников на колоссально высокий по тому времени уровень. На Кубани были приняты документы, предусматривающие самые разнообразные меры по предотвращению самовольных раскопок, кладоискательства, незаконной торговли старинными предметами. Местным законодательством предусматривались денежные штрафы, дисциплинарные взыскания, лишение казачьего звания и даже высылка из области.

По инициативе кубанского историка, заведующего Кубанским войсковым музеем И. Е. Гладкого, издаются приказы и циркуляры по Кубанской области, издается циркуляр Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. Так, 20 сентября 1912 г. издается циркуляр № 470, где были рассмотрены меры по предотвращению хищнических раскопок курганов и городищ и о пресечении вывоза исторических ценностей за границу; и приказ за № 376

от 2 августа 1912 г. о наказании участников хищнического разрытия курганов в станице Тульской Майкопского отдела.

Своим циркуляром № 114 от 20 марта 1912 г. начальник Кубанской области дает разъяснение в ответ на обращения «о выдаче свидетельств на право разрытия курганов, откосов берегов рек и оврагов для извлечения предметов старины». Представлено свое видение понятию «памятник старины» как «государственное достояние, составляющее предмет особого изучения». Устанавливается порядок раскопок: «Раскопки должны вестись не на скорых и тем более не украдкой, а с особую осторожностью, осмотрительностью, с особым вниманием и предварительным изучением местности, с описанием, измерением мест работы и заключением всего чертежами, рисунками и фотографическими снимками.

Порядок раскопок... должен уподобляться ведению судебного следствия, чтобы ничто не ускользнуло от внимания исследователя. Поэтому к производству раскопок могут допускаться только лица с серьезною теоретической и практической подготовкою: лица, знакомые с производившимися исследованиями, могущие различать почвы, породы камней, металлов, лица, имеющие практические сведения о строительных материалах, орудиях и архитектурных приемах, наконец, могущие рисовать, фотографировать, производить нивелировку и т. п. и к тому же с достаточными материальными средствами».

Циркуляром за № 58 от 26 января 1909 г. была поставлена цель «приведения в известность всех исторических памятников, сохранившихся в пределах Кубанской области».

В циркуляре № 209 от 13 мая 1910 г. были предложены меры по сохранению памятников и предотвращению их уничтожения. Ценным в обращении начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска было обращение внимания к опыту горских народов по сохранению памятников старины. «Русским, - писал Бабыч, - следовало бы подражать черкесам, которые свято почитая могилы своих предков и родителей, не коснулись ни греческих церквей, ни дольменов, ни курганов. Русские же не только разрывают курганы, варварски уничтожали дольмены и начали разбивать в горных пещерах сталакти-

ты и сталагмиты, уничтожая красоту природы и забывая даже входы в пещеры» [25, с. 7].

Циркуляр № 322 от 4 августа 1908 г. посвящен проблеме сохранения дольменов, которые местными жителями разбирались на постройку и изготовление жернов.

От атаманов отделов были затребованы списки дольменов, сохранившихся в целостности, а также отдельные списки разрушенных дольменов. В списках содержались следующие сведения: где стоит дольмен, на каком расстоянии от станицы и от дороги, какой он формы, из скальных ли камней он сложен, сохранилась в самом дольмене или по преданию, что в них находили и, наконец, указывалось, возможно, ли перевезти дольмен в ближайшую станицу или город.

Предлагалось разрушенные дольмены сберегать на месте. Наблюдение за их состоянием поручалась добровольцам или жителям ближайшего населенного пункта. Втулки рекомендовалось хранить при станичных правлениях или в школах. Предполагалось в целях сбережения дольменов перевезти наиболее типичные образцы в школьные дворы ближайших станиц, установить отдельные дольмены в городских парках, изготовить модели дольменов в соотношении 1 к 3 для установления в Кубанском и естественно-историческом музее.

«Станичным атаманам и сельским старшинам тех поселений, где имеются дольмены, - предписывал наказной атаман, - вменяю в обязанность циркуляр этот прочесть на сборах и внушить жителям, чтобы они свято сберегали дольмены и курганы, гробницы которых, к стыду населения, до сих пор разрушаются и расхищаются ворами-кладоискателями. К могилам мертвых следует относиться с уважением, а оберегать всякие могилы закон обязывает каждого и карает как гробокопателей, так и кладоискателей».

Конечно, было бы наивно полагать, что одними циркулярами и приказами можно было решить эту сложную проблему.

По инициативе особой комиссии под председательством начальника Кубанской области был разработан комплекс мер по моральному поощрению наиболее ревностных хранителей памятников культуры. Для тех, кто передавал памятники культуры на хранение

в музей, были разработаны меры морального поощрения. Так, экспозиции, составленные на основе переданных музеем коллекций, дополнялись специальной витриной с портретом жертвователя и его биографией. За особые труды по собиранию и сохранению памятников старины выдавались установленные образца благодарственные свидетельства за подписью Наказного атамана.

Самим И. Е. Гладким издавались специальные брошюры («Важное значение памятников седой старины» (Екатеринодар, 1916); «Хищнические раскопки близ станицы Таманской, Кубанской области» (1918) и «Открытие саркофага в кургане Лысой горы» (Екатеринодар, 1916). Отдельной книгой он издает приказы и распоряжения атамана М. П. Бабыча о сохранении памятников старины. Они печатались большими тиражами и рассылались в станицы, гимназии, школы, дарились посетителям музея. В документах особое внимание уделялось сохранению памятников в Таманском и Майкопском отделах. Здесь имелись обильные остатки материальной культуры разных народов. Е. И. Гладкий осуществлял деятельное сотрудничество по охране памятников культуры с интеллигенцией этих отделов.

И. Е. Гладкий продолжил плодотворную традицию, заложенную Е. Д. Фелицыным по привлечению к охране памятников культуры Кубани широкой общественности. В его бытность большая часть экспонатов музея поступала как пожертвования от частных лиц, коллекционеров. И. Е. Гладким к работе по охране памятников культуры был привлечен значительный коллектив внештатных сотрудников, который состоял из чиновников, учителей, священников, казаков, мещан и даже полицейских.

По инициативе Гладкого даже за незначительный экспонат, переданный в дар музею, дарителю объявлялась благодарность атамана. Информация о дарителе печаталась в газетах. В самом музее оформлялись красочно выполненные почетные дипломы за подаренные музею предметы старины. Помимо основной экспозиции в музее создавались специальные витрины и каталоги дарителей с подробным описанием их коллекций. В 1912 г. таких дипломов было выдано 46 [5, с. 12-15]. В 1911-1913 гг. в витринах музея экспониро-

вались дары кубанцев: крестьянина станицы Калниболотской Константина Мазаева, казаков Алексея Корсун, Аулова, Заики, полковника Маковкина, есаула Гречишкина [3, с. 67-71]. Среди общественных сотрудников Войскового музея были и представители черкесской интеллигенции и других горских народов. В 1912 г. адыг Н. Токов преподнес в дар музею предметы быта горских народов Кубани, за что получил благодарность атамана М. П. Бабыча. И это не единичные примеры [2].

Благодаря кропотливой работе кубанских историков по сохранению культурного наследия, отдельные частные коллекции становились достоянием Кубанского войскового музея. Показательна в этом отношении деятельность кубанского историка К. Т. Живило. Его связывала тесная дружба с кубанским историком и основателем Кубанского Войскового музея Е. Д. Фелицыным. По инициативе последнего К. Т. Живило проводил ряд археологических раскопок и собирал предметы старины для музея. Длительные годы он трудился в музее на общественных началах.

В 1908 г. Кубанский войсковой музей отделяется от Статкомитета и получает статус самостоятельного научно-просветительного учреждения. Живило назначают заведующим музея. Став «чутким продолжателем идей инициатора и строителя музея Е. Д. Фелицына», он выступает с рядом инициатив, направленных на совершенствование работы по охране памятников культуры края. Он вступает в переписку с крестьянином станицы Калниболотской, обладателем солидной коллекции предметов старины Константином Ивановичем Мазаевым [5, с. 22-23]. Его покойный отец Иван Иванович Мазаев был большим любителем старины, собирал редкие предметы и, по сути, сумел организовать свой частный музей. К. Т. Живило приглашает Константина Ивановича в Екатеринодар и убеждает подарить коллекцию Войсковому музею. 17 января 1909 г. К. Мазаев пишет письмо Наказному атаману М. П. Бабычу: «Родной мой отец, любя русскую старину, затратив много средств на приобретение оружия, предметов древностей, панцирей, булавы польской и Богдана Хмельницкого, пушки чугуной и прочих вещей. Желая увековечить память отца Ивана Ивановича Мазаева, умершего в 1905 г., я желаю

все старинные вещи, целый музей, подарить в Кубанский Войсковой этнографический и естественноисторический музей...» [1].

В феврале 1909 г. в войсковой музей поступает 201 экспонат. В музее была устроена специальная выставка дарителя Мазаева. Эти предметы были оценены владельцем в огромную по тем временам сумму 15 тысяч рублей. В благодарности Наказного атамана Бабыча говорилось: «Да послужит патриотический дар К. И. Мазаева Кубанскому музею добрым примером для тех наших казаков, у которых до сих пор празднично хранятся исторические и ценные для общества вещи. Да последуют примеру Мазаева и принесут все ценное в родной музей, где каждый осмотрит памятники старины, вспомнит подвиги дедов и поймет великое значение памятников прошедших веков и воспитание патриотического чувства у современного поколения» [1]. К. И. Мазаеву были выданы наказным атаманом благодарственное свидетельство за № 11 и дипломом за № 2 на звание Почетного члена Кубанского музея, а также пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте. Позже ему было присвоено звание Почетного гражданина города Екатеринодара [7, с. 7-8].

В 1909 г. К. Т. Живило предлагает создать в Екатеринодаре постоянно действующую этнографическую выставку. Ему удается заинтересовать администрацию области. В октябре того же года начальником Кубанской области и Наказным атаманом Кубанского Казачьего войска издается циркуляр. В этом документе определены цели выставки и определены мероприятия по подготовке выставки. Выставка планировалась как постоянная. Организация выставки имела целью создать в Екатеринодаре этнографический музей под открытым небом. На отведенной под выставку территории были перенесены подлинные жилые и хозяйственные постройки, характерные для черноморских и линейных станиц Кубанского края, жилища адыгов. Кроме демонстрации предметов традиционной материальной культуры на выставке широко был представлен фольклор народов населяющих край. Участники фольклорных коллективов показали мастерство игры на музыкальных инструментах. Многие народные музыкальные инструменты

– бандуры, волынки, гармоники – поступили в фонды войскового музея. Из многих станиц области сюда были привезены старинные предметы быта, холодное оружие, мундиры конвоя императора Александра III, черкески и бешметы XIX в., сельскохозяйственные орудия труда².

К. Т. Живило был одним из первых организаторов на Кубани экскурсионного дела. В начале XX в. он организует экскурсии и поездки, учащих в Екатеринодар, Горячий ключ, Тамань для знакомства с природой и древностями края. И сегодня большой интерес представляет его книга «Экскурсия на Таманский остров. Июнь 1908 года», изданная в Анапе, и доклад, на ее основе, опубликованный в Кубанском сборнике. Эти материалы содержат подробное описание истории находки знаменитого Тмутараканского камня, описание древних памятников Тамани, создания Покровской церкви [12, с. 483-484].

Итак, история становления и развития охраны памятников культуры и истории на Кубани тесно связана с деятельностью кубанских историков. Здесь условно можно выделить два периода. Первый период – с девяностых годов XVIII в. до окончания Кавказской войны. Он связан, прежде всего, с именами К. Россинского, И. Попки и др. В это время впервые проявляется осознанное стремление к сохранению остатков материальной культуры прошлых эпох, ведутся археологические изы-

скания, их описание и публикация материалов исследования. Полномасштабному становлению дела охраны памятников культуры в регионе в этот период препятствовала война, в то время шедшая на Кавказе. Не совершенной была законодательная база. Отсутствовало кадровое обеспечение этой работы.

Второй период – с 1864 г. по 1917 г. – связан с именами кубанских историков Е. Д. Фелицына, К. Т. Живило, И. Е. Гладкого, В. М. Сысоева, П. П. Короленко и других. Усилиями этих представителей исторической науки удалось поставить дело охраны памятников культуры региона на государственную основу. По их инициативе и при участии была разработана местная законодательная база, которая во многом опережала и дополняла российское законодательство по данному вопросу. Кубанскими историками в деле охраны памятников культуры использовались разнообразные методы просветительской работы: лекции, издание популярных брошюр, экскурсии, публикации в периодической печати, музейные экспозиции и т. д. Им удалось привлечь к работе по охране памятников широкий круг добровольных помощников. Ими были разработаны меры морального поощрения активистов. Опыт, накопленный кубанскими историками в исследуемый период, может быть с успехом использован и в наши дни в деле охраны памятников истории и культуры.

Использованная литература:

1. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Дело Кубанского войскового музея за 1909 г.
2. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Дело Кубанского войскового музея за 1912 г.
3. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Дело Кубанского войскового музея за 1912-1913 г.
4. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. КМ-2109.
5. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчет Кубанского Войскового музея. 1910-1912 гг.

² Эти коллекции и в настоящее время составляют гордость КГИАМЗ

References:

1. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Delo Kubanskogo voyskovogo muzeya za 1909 god (File on the Kuban Troop Museum of 1909).
2. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Delo Kubanskogo voyskovogo muzeya za 1912 god (File on the Kuban Troop Museum of 1912).
3. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Delo Kubanskogo voyskovogo muzeya za 1912-1913 god (File on the Kuban Troop Museum of 1912-1913)
4. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), КМ-2109.
5. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Otchet Kubanskogo Voyskovogo muzeya. 1910-1912 gody (Report of the Kuban Troop Museum of 1910-1912).
6. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Otchet o deyatel'nosti Kubanskogo voyskovogo muzeya. 1879-1911

6. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчет о деятельности Кубанского войскового музея. 1879-1911 гг. КМ-426.
7. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчет по Кубанскому Войсковому музею за 1909 г.
8. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчеты Войскового музея. 1911-1917 г.
9. Гедеон (Докукин). История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск: б/и, 1992.
10. Горожанина М. Ю. Краеведческие труды К. В. Россинского // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: м-лы науч.-теорет. конф. / Науч. ред. В. К. Чумаченко, Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2000.
11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 721. Оп. 1. Д. 184. Л. 9.
12. Живило К. Экскурсия на Таманский остров (Июнь 1908 года) // Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринбург, 1909. С. 475-490.
13. Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция: к 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Нева. 2006. № 11. С. 129-140.
14. Захаров В. Где жил М. Ю. Лермонтов в Тамани // 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань: б/и, 1996.
15. Золотарева Н. А. О судьбе памятника Екатерины II в г. Краснодаре // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: м-лы науч.-теорет. конф. / Науч. ред. В. К. Чумаченко, Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2000.
16. Каменецкий И. С. Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. 1992. № 4 (20). С. 2-5.
17. Корсакова Н. А., Науменко В. В. Е. Д. Фелицын – летописец земли кубанской. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 1999.
18. Кубанские областные ведомости. 1879. 18 мая.
19. Кубанские областные ведомости. 1882. № 13-14.
20. Кубанские областные ведомости. 1899. № 192.
21. Кубань православная-первозванная. Тамань-Краснодар: Платонов, 2000.
22. Латорцев А. П. Возникновение музеев на юге России // Творческое наследие Ф. А. Щербины и современность: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф. А. Щербины (22-24 сентября 1999 г. ст-ца Каневская, Краснодарский край). Краснодар: б/и, 1999. С. 198-201.
23. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3-9.
24. Мариньи Тебу де. Находки древностей на абхазском берегу и около Кубани // Записки Одесского императорского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса: гор. тип., 1844. с. 628-630.
25. О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 1999.
26. Gedyon (Dokukin), *Istoriya khristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii* (The History of Christianity in the North Caucasus Before and after Its Annexation to Russia), Moskva-Pyatigorsk: no publ., 1992.
27. Gorozhanina, M. Yu., *Kraevedcheskie trudy K. V. Rossinskogo* (Local History Works of Kirill V. Rossinsky), in *Vtorye kubanskie literaturno-istoricheskie chteniya* (The 2nd Kuban Literary and Historical Readings): *Proc. Sci-Theoretical Conf.*, Chumachenko, V. K., Ed., Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2000.
28. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK)*, Fund 721, Inventory 1, File 184, Sheet 9.
29. Zhivilo, K., *Ekskursiya na Tamanskiy ostrov* (Excursion to the Taman Island (June 1908)), in *Kubanskiy sbornik*, Ekaterinodar, 1909, vol. 14, pp. 475-490.
30. Zapesotskiy, A. S., *Dmitriy Likhachev i russkaya intelligentsiya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika D. S. Likhacheva* (Dmitry Likhachev and the Russian Intelligentsia: to the 100th Anniversary of the Birth of Academician D. Likhachev), *Neva*, 2006, no. 11, pp. 129-140.
31. Zakharov, V., *Gde zhil M. Yu. Lermontov v Tamani* (Where Did Mikhail Lermontov live in Taman), in *20 let muzeyu M. Yu. Lermontova v Tamani*. Taman': no publ., 1996.
32. Zolotareva, N. A., *O sud'be pamyatnika Ekateriny II v g. Krasnodare* (On the Fate of the Monument of Catherine II in Krasnodar), in *Vtorye kubanskie literaturno-istoricheskie chteniya* (The 2nd Kuban Literary and Historical Readings): *Proc. Sci-Theoretical Conf.*, Chumachenko, V. K., Ed., Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2000.
33. Kamenetskiy, I. S., *Iz istorii okhrany pamyatnikov na Kubani* (From the History of the Protection of Monuments in the Kuban Region), *Arkheologicheskiy byulleten'*, 1992, no. 4 (20), pp. 2-5.
34. Korsakova, N. A. and Naumenko, V. V., *E. D. Felitsyn - letopisets zemli kubanskoj* (Evgeny D. Felitsyn - the Chronicler of the Kuban Land), Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 1999.
35. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* (Kuban Regional Bulletin), May 18, 1879.
36. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* (Kuban Regional Bulletin), 1882, no. 13-14.
37. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* (Kuban Regional Bulletin), 1899, no. 192.
38. *Kuban' pravoslavnaya-pervozvannaya* (Kuban, the Orthodox and First-Called). Taman'-Krasnodar: Platonov, 2000.
39. Latortsev, A. P., *Vozniknovenie muzeev na yuge Rossii* (The Emergence of the Museums in the South of Russia) // *Tvorcheskoe nasledie F. A. Shcherbiny i sovremennost'* (Creative Heritage of Fedor A. Shcherbina and the Modernity): *Short. Rep. Int. Sci-Pract. Conf. Dedicated to the 150th Anniversary of the*

зачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913.

26. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар: Советская Кубань, 1996.

27. Самоквасов Д. Я. О заслугах Фелицына // Труды V археологического съезда в Тифлисе. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1887. С. 55-56.

28. Сысоев В. М. Археологические экскурсии по Закубанью в 1892 г. // Материалы по археологии Кавказа. 1904. Т. IX. С. 89-169.

29. Сысоев В. М. Фелицын Е. Д., Краткий указатель археологических, естественноисторических и этнографически-промышленных вещей и предметов, имеющих при Кубанском областном статистическом Комитете // Кубанский сборник. Т. 4. 1898. 15 паг. С. I-VI; 16 паг. С. 1-45.

30. Фелицын Е. Д. Сефер-Бей Зан — политический деятель и поборникнезависимости черкесского народа // Кубанский сборник. Т. 10. 1904. С. 1-171.

31. Фелицын Е. Д. Численность горских и других мусульманских народов Кубанской области с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула // Сборник сведений о Кавказе. Т. IX. Тифлис. 1885. С. 51-99.

32. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. История края. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правл., 1910.

33. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 г. / Под ред. Б. А. Трехбратова. Краснодар: Эдви, 1997.

34. Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906-1999) // Slavonica: a twice-yearly publication on the languages, literatures, history and culture of Russia and Central and Eastern Europe. Sheffield, 2000. Vol. 6. № 1. P. 141-150. XXX.

Birth of Fedor Shcherbina (22-24 September, 1999, Kanevskaya stanitsa, Krasnodar Region), Krasnodar: no publ., 1999, pp. 198-201.

23. Likhachev, D. S., O russkoy intelligentsii. Pis'mo v redaktsiyu (On the Russian Intelligentsia. Letter to the Editor), *Novyy mir*, 1993, No. 2, pp 3-9.

24. Marigny, Taitbout de, Nakhodki drevnostey na abkhazskom beregu i okolo Kubani (Finds of Antiquities on the Abkhazian Shore and Near the Kuban River) // *Zapiski Odesskogo imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostey*, Odessa: gorodskaya tipografia, 1844, vol. 1, pp. 628-630.

25. O sokhraneni pamyatnikov stariny: tsirkulyary i prikazy Nachal'nika Kubanskoy oblasti i Nakaznogo Atamana Kubanskogo kazach'ego voyska, pravila o Kubanskom voyskovom muzee i o biblioteke (On the Preservation of Monuments of Antiquity: Circulars and Orders of the Chief of the Kuban Region and the Appointed Ataman of the Kuban Cossack Host, Rules on the Kuban Troop Museum and the Library), Ekaterinodar: Kubanskiy voyskovoy etnograficheskiy i estestvenno-istoricheskiy muzey, 1913.

26. *Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 god* (Essays on the History of the Kuban from the Ancient Times to 1920), Ratushnyak V. N., Ed., Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1996.

27. Samokvasov, D. Ya., O zaslugakh Felitsyna (On the Merits of Felitsyn), in *Trudy Pyatogo arkheologicheskogo s'ezda v Tiflise*, Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i Ko, 1887, pp. 55-56.

28. Sysoev, V. M., Arkheologicheskie ekskursii po Zakuban'yu v 1892 god (Archeological Excursions to the Trans-Kuban in 1892), in *Materialy po arkheologii Kavkaza*, 1904, vol. 9, pp. 89-169.

29. Sysoev, V. M. and Felitsyn, E. D., Kраткий указатель археологических, естественноисторических и этнографически-промышленных вещей и предметов, имеющихся при Кубанском областном статистическом Комитете (A Brief Index of Archaeological, Natural Historical and Ethnographic-Industrial Things and Items Available at the Kuban Regional Statistical Committee), in *Kubanskiy sbornik*, 1898, vol. 4, 15 pag., pp. I-VI; 16 pag., pp. 1-45.

30. Felitsyn, E. D., Sefer-Bey Zан – politicheskiy deyatel' i poborniknezavisimosti cherkesskogo naroda (Sefer-Bay Zan as a Political Figure and a Proponent of Independence of the Circassian People), in *Kubanskiy sbornik*, 1904, vol. 10, p. 1-171.

31. Felitsyn, E. D., Chislennost' gorskikh i drugikh musul'manskikh narodov Kubanskoy oblasti s raspredeleniem ikh po mestu zhitel'stva i s pokazaniem plemennogo sostava zhiteley kazhdogo aula (The Number of Mountain and Other Muslim Peoples of the Kuban Region with Their Distribution in the Place of Residence and with the Indication of the Ethnic Composition of the Inhabitants of Each Aul), in *Sbornik svedeniy o Kavkaze*, Tiflis, 1885, vol. 9, pp. 51-99.

32. Shcherbina, F. A., *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska* (The History of the Kuban Cossack Host), vol. 1: *Istoriya kraya* (The History of the Region). Ekaterinodar: Tipografia Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1910.

33. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii Kubani. S drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda* (Encyclopedic Dictionary of the History of Kuban. Since the Ancient Times till October 1917), Trekhbratov, B. A., Ed., Krasnodar: Edvi, 1997.

34. Milner-Gulland, R., Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906-1999), *Slavonica: a twice-yearly publication on the languages, literatures, history and culture of Russia and Central and Eastern Europe*, Sheffield, 2000, Vol. 6, no. 1, pp. 141-150.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Науменко, В. Е. Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX века) / В. Е. Науменко // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 44–60. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Naumenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Naumenko, V. E., *Deyatel'nost' kubanskikh istorikov po okhrane kul'turnogo naslediya regiona (XIX – nachalo XX veka)* (Activity of the Kuban Historians on the Protection of the Region's Cultural Heritage in the 19 – the Early 20th Century), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 44–60. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Naumenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ: МУЗЕЙ ЮГА РОССИИ

ЮРЧЕНКО Татьяна Васильевна

главный хранитель

Краснодарского государственного историко-археологического
музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына
Краснодар, Россия

Tatyana V. YURCHENKO

Chief Curator,

Krasnodar State Historical and Archeological Museum-Reserve,
Krasnodar, Russia

info@felicina.ru

КОРСАКОВА Наталья Александровна

старший научный сотрудник отдела истории

Краснодарского государственного историко-археологического
музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына
Краснодар, Россия

Natalia A. KORSAKOVA

Senior Researcher,

Krasnodar State Historical and Archeological Museum-Reserve
Krasnodar, Russia

info@felicina.ru

ФРОЛОВ Борис Ефимович

ведущий научный сотрудник отдела истории

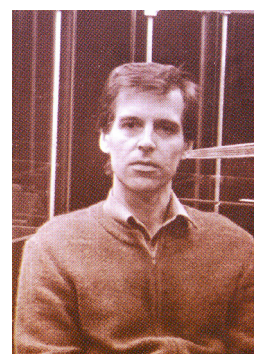
Краснодарского государственного историко-археологического
музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына
Краснодар, Россия

Boris Ye. FROLOV

Leading Researcher

Krasnodar State Historical and Archeological Museum-Reserve,
Krasnodar, Russia

info@felicina.ru

**Реликвии Кубанского войскового
музея – коллекция серебряных
китайских украшений периода
династии Цин**

**Relics of the Kuban Troop Museum:
the Chinese Silver Jewelry Collection
of the Qing Dynasty Period**

В статье описана коллекция серебряных китайских женских украшений из 13 предметов (головные украшения, свадебный пояс, туалетный набор) периода династии Цин из фондов Кубанского войскового музея (ныне – Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Коллекция датируется 1860-1870 гг. В орнаментах ювелирных предметов присутствуют символы, характерные для китайской традиционной культуры: изображения драконов, бабочек, птиц, рыбок, цветов пиона, лотоса, хризантем, пятилепестковых цветов, листьев, комбинации символов-пожеланий благополучия, богатства, продолжения потомства. По орнаменту, символике многие вещи являются свадебными украшениями. В Кубанском Войсковом музее данные экспонаты были представлены в витринах под общим названием «Коллекция азиатских предметов». В научный оборот коллекция вводится впервые и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Кубанский войсковой музей, музейные коллекции, династия Цин, китайские серебряные украшения.

The article describes a collection of the Chinese silver female jewelry comprised of 13 items (head decorations, wedding belt, toilet set) related to the Qing Dynasty period.

This collection belonged to the funds of Kuban Troop Museum (current name – Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve) and dates back to 1860-1870. The ornaments on the jewelry items contain characters that are typical for the Chinese traditional culture: images of dragons, butterflies, birds, fishes, peony flowers, lotuses, chrysanthemums, five-petalled flowers, leaves, a combination of symbolic wishes of prosperity, wealth and continuation of a family. By their ornamentation and symbolism many things are defined as the wedding decorations. In Kuban Troop Museum these exhibits findings were presented in the glass-case under the title «Collection of Asian items.» This collection is first scientifically introduced for the first time and requires further study.

Keywords: Kuban Troop museum, museum collections, the Qing Dynasty, Chinese silver jewelry.

В начале XX столетия в столице Кубанской области городе Екатеринодаре действовал Войсковой этнографический и естественно-исторический музей, преемником которого является современный музей-заповедник. В этот период в музее были сформированы многие этнографические коллекции, в том числе, ювелирного искусства. Главным источником поступления коллекций являлись пожертвования кубанцев [1]. Многие офицеры Кубанского казачьего войска, находясь на службе в различных регионах Российской империи, странах Юго-Восточной Азии, Китае, Японии, Иране, приобретали для музея редкие предметы старины. Так, среди предметов ювелирного искусства появились китайские серебряные украшения, относящиеся к правлению династии Цин. Коллекции поступили в дар музею в 1911–1912 гг. Дарителями стали доктор Г. М. Гречишкин, служивший в Манчжурии, участник русско-японской войны 1904–1905 гг., полковник С. И. Сушков, долгое время служивший на Дальнем Востоке, полковник Е. А. Маковкин, участник подавления «боксерского» восстания в Пекине (1900).

Коллекция китайских женских украшений состоит из 13 предметов. Это головные украшения, свадебный пояс, туалетный набор. Украшения всегда служили дополнением к одежде китайцев, отражая вкусы, традиции

и поэтические представления об окружающем мире, подчеркивали их социальное положение. Данная коллекция датируется 1860–1870 гг. В орнаментах ювелирных предметов присутствуют символы, характерные для китайской традиционной культуры. Это изображения драконов, бабочек, птиц, рыбок, цветов пиона, лотоса, хризантем, пятилепестковых цветов, листьев, комбинации символов-пожеланий благополучия, богатства, продолжения потомства. По орнаменту, символике многие вещи являются свадебными украшениями. Условно в данной коллекции можно выделить несколько групп:

1. Головные украшения: шпильки «фачжэнь» для прически, заколка и налобное украшение.
2. Свадебный пояс.
3. Туалетный набор.

Головные украшения китайцев зависели от возраста и социального положения женщины. В их оформлении отражены религиозно-философские представления народа, складывающиеся на протяжении веков. Символы, украшающие свадебные предметы, ассоциируются с определенными понятиями и пожеланиями. В коллекции представлены шпильки для прически с символами долголетия – бабочки «хуе», которые расположены на стеблях, листьях, цветах. Изображение драко-

на, мифического животного, живущего в реках и озерах и олицетворяющего могучие силы природы. Изображения дракона и феникса на свадебных шпильках символизируют молодых супругов. Количество цветов, листьев тоже имеет свою символику, так, например, число «пять» означает доброе пожелание. Шпильки для прически могли быть узкими и широкими, плоскими, круглыми и причудливо изогнутыми. Для нарядных шпилек характерны художественно выполненные навершии. Шпильки, помимо основного назначения (оформление прически), могут иметь и утилитарное применение, например: шпилька-ухочистка, шпилька-гребешок. В головных украшениях цинского времени также имеются изображения лотоса и семенной коробочки цветка. Последнее символизирует пожелание многочисленного потомства.

Рассмотрим подробнее описание головных украшений, которые в коллекции музея обозначены под № ПМ 2386:

1. *Шпилька*. XIX в. Серебро, штамп, чеканка, гравировка, ажурная резьба. Длина 30 см, вес 45,2 г. Состоит из заостренного стержня, на который крепится навершие на тонких

подвижных проволочках в виде бабочки и семенной коробочки цветка лотоса. Бабочка имеет два усика в форме спирали, на концах украшена стеклянными вставками. Пятилепестковые цветы имеют остатки стеклянной пасты. Вся конструкция крепится к тулову стилизованного дракона. В нижней части к тулову прикреплены на цепочках бабочки с тремя каплеобразными украшениями.

2. *Навершие шпильки*. XIX в. (Рис. 1) Серебро, штамп, чеканка, зернь, гравировка, подвижные витые проволоки. 20 x 10,2 см; вес 25,9 г. Навершие состоит из трех ветвей. Центральная – в форме птицы, листьев, цветов и двух стеклянных бусинок красного и синего цвета, вставленных в скрученную проволоку. Правая ветвь имеет такое же оформление. Левая выполнена в форме птицы феникс, одно крыло и бусина отсутствуют.

3. *Шпилька*. XIX в. Серебро, штамп, чеканка. Длина 24 см, вес 16,3 г. В верхней части навершия имеется иероглиф и украшение в форме черпака (d-1,5 см). На проволоке крепятся украшения: в центре многолепестковый цветок, справа изображение бабочки и насекомого с длинными усами, на конце одного находится маленькая жемчужина; в левой части

Рис. 1. Навершие шпильки. XIX в.

Рис. 2. Заколка-зажим. XIX в.

две стилизованные монеты и четыре гнезда для камней, камни отсутствуют.

4. Шпилька. XIX в. Серебро, штамп, гравировка, чеканка. Длина 28,5 см, вес 18,4 г. На стержне расположено стилизованное изображение птицы, на хвосте имеется гнездо для камня. Перья украшены зернью. В верхней части навершия прикреплены три цветочных фрагмента, в двух из них имеются гнезда для камней в форме свернутых лепестков. Камни отсутствуют.

5. Шпилька. XIX в. Серебро, штамп, чеканка, гравировка. Длина 28,5 см, вес 14,3 г. Навершие в форме дракона, в нижней части расположена ушочистка.

6. Шпилька. XIX в. Серебро, штамп. Чеканка, гравировка. Длина 29,9 см, вес 26,3 г. Навершие в виде плоской пластины, украшено изображением бабочки и цветов. В верхней части расположена ушочистка. На обратной стороне шпильки есть слабо различимое клеймо в форме иероглифа.

7. Шпилька. XIX в. Серебро, штамп. Ковка. Длина 11,4 см, вес 4,1 г. Навершие игловидное. В верхней части расположена пятилепестковая розетка с остатками голубой эмали. Навершие в верхней части имеет сферическую поверхность с прорезным орнаментом.

8. Шпилька. XIX в. Серебро, ковка, гравировка. Длина 17,5 см, вес 9 г. Форма меча с рукоятью, на эфесе изображена бабочка. На рукояти остатки голубой эмали.

9. Заколка-зажим. XIX в. (Рис. 2.) Серебро, штамп, зернь. Длина 7,8 см, вес 20,1 г. Состоит из двух односторонних частей, изображающих дракона с гребнем. В нижней части прикреплены три цепочки со стилизованными рыбками.

10. Налобное украшение в форме диадемы «фэнгуань». XIX в. (Рис. 3) Серебро, чеканка, ковка, пайка. Длина 24 см, вес 50,3 г. Выполнено из листового серебра. В дореволюционной книге поступлений значится как деталь пояса. Состоит из двух частей, скрепленных в центре круглой пластиной. В нижней части на цепочках крепятся семь подвесок. На подвесках имеется символ радости – «си». На каждой подвеске изображено по пять стилизованных рыбок. Четыре подвески отсутствуют.

Рис. 3. Налобное украшение в форме диадемы «фэнгуань». XIX в.

11. Подвески. XIX в. (Рис. 4) Серебро, чеканка, ковка, пайка. Длина 6,5 см, вес каждой 15,7 г. Две подвески по орнаменту и технике близки к диадеме. Основу подвески в верхней

Рис. 4 Подвески. XIX в.

части составляет изображение насекомого с загнутым хоботком. На семи цепочках крепятся плоские украшения в форме крыльев бабочки. К каждой бабочке крепятся еще по две подвески со стилизованными рыбками. Цепочки подвесок прикреплены на разных уровнях.

В музейной коллекции представлен один свадебный женский пояс (Ф2-179) (Рис. 5). Он выполнен в технике литья, гравировки, штампа. Длина 53 см, вес 170,8 г. Детали пояса сохранились не полностью, он состоит из 13 звеньев и двух разъемных частей. Пряжка изображает два перевернутых иероглифа – «сдвоенная радость», символ свадьбы.

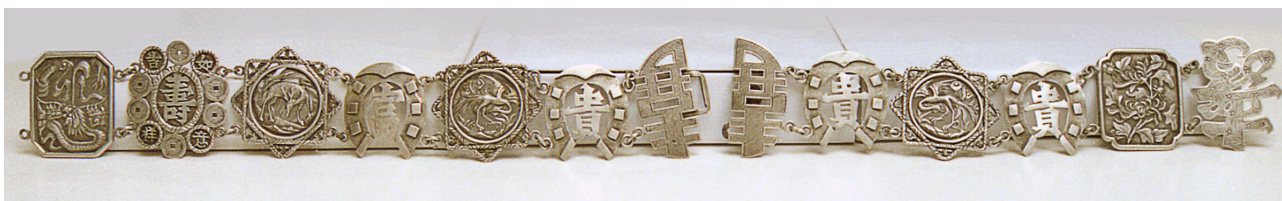

Рис. 5 Свадебный женский пояс. XIX в.

На одной пряжке внутри отпечатано китайское клеймо. На деталях пояса изображены: хризантема, пион, олень, феникс, дракон и монеты. Это пожелания богатства, карьеры, долголетия, счастья, благополучия. Изображения монет выполняют роль оберегов.

Туалетные наборы были в Китае популярными изделиями из серебра. Они служили различного рода подарками, украшениями интерьера состоятельных домов. В набор входили и чисто декоративные объемные скульптуры – павлины, драконы, цветы. Туалетный набор значится под номером ПМ 2386 (Рис. 6). Серебро, чеканка,

штамп, гравировка, эмаль. Общая длина 38,7 см, вес 58,5 г. Состоит из навершия в форме бабочки и цветка, к которому крепятся пять

Рис. 6 Туалетный набор, XIX в.

цепочек с предметами: пинцетом, украшенным на ручке изображением дракона и головой хищника, гребнем в форме изогнутого меча с растительным орнаментом, пилочки для чистки ногтей в форме меча, украшенного бабочкой и цветком, колющего предмета с изображением дракона. На одной цепочке предмет утрачен.

В Войсковом музее эта коллекция экспонировалась в витринах под общим названием «Коллекции азиатских предметов». В научный оборот она не введена и требует дальнейшего изучения.

Использованная литература:

1. Стругова М. Р., Корсакова Н. А., Есипенко Л. М. Наследие древности. Краснодар: Традиция, 2015.

References:

1. Strugova, M. R., Korsakova, N. A. and Esipenko, L. M., *Naslediye drevnosti* (The Heritage of the Antiquity Time), Krasnodar: Traditsiya, 2015

Полная библиографическая ссылка на статью:

Юрченко, Т. В. Реликвии Кубанского войскового музея – коллекция серебряных китайских украшений периода династии Цин [Электронный ресурс] / Т. В. Юрченко, Н. А. Корсакова, Б. Е. Фролов // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 61–66. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Yurchenko_Korsakova_Frolov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Yurchenko, T. V., Korsakova, N. A. and Frolov, B. E., Relikvii Kubanskogo voyskovogo muzeya – kolleksiya serebryanykh kitayskikh ukrasheniy perioda dinastii Tsin (Relics Kuban Troop Museum: the Chinese Silver Jewelry Collection of the Qing Dynasty Period), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 61–66. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Yurchenko_Korsakova_Frolov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

АППАЕВА Жаухар Мустафаевна
искусствовед, председатель Кабардино-Балкарского отделения
Ассоциации искусствоведов
Нальчик, Россия
Zhauhar M. APPAEVA
Art Critic, Chairman, Kabardino-Balkarian Branch,
Association of Art Critics
Nalchik, Russia
appaewa2565@mail.ru

Из истории кадрового обеспечения музеев Кабардино-Балкарии

Статья, основанная на архивных материалах, посвящена проблеме обеспечения музеев Кабардино-Балкарии кадрами специалистов-искусствоведов в период с 20-х гг. XX в. по настоящее время. Наличие нескольких штатных сотрудников с искусствоведческим образованием было неременным условием, которое поставило Министерство культуры РСФСР при открытии в Нальчике художественного музея. В начале его деятельности кадровую проблему удалось решить за счет приглашенных из других регионов сотрудников. С 1960 г. до конца 80-х гг. были приняты на работу еще несколько искусствоведов, которые по разным причинам ушли из музея. С того времени более двух десятилетий музей работает в условиях отсутствия сотрудников с искусствоведческой подготовкой, и кадровую проблему не удалось решить до сих пор.

Ключевые слова: Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, искусствоведение, художественный музей, профессиональная подготовка, трудоустройство, кадровый вопрос, художественная критика, изобразительное искусство.

From the History of Staffing in the Museums of Kabardino-Balkaria

The article is based on archival materials and is devoted to providing museums Kabardino-Balkaria staff of professional art critics in the period from 20-ies of the 20th century to the present time. The presence of several staff members with the education in art criticism was a prerequisite which had been made by the Russian Culture Ministry when opened the Art Museum in Nalchik. At the beginning of its activity the staffing problem was solved by inviting employees from other regions. From 1960 to the end of the 80s there were recruited a few critics, who left the museum for various reasons. Since that time, during more than two decades, the museum is working in the absence of employees with the education in the field of the art criticism, and this staffing problem is not resolved until now.

Keywords: Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, art, art museum, training, employment, personnel issue, art criticism, art.

«Любое государство обречено на упадок, если оно не заботится о сохранении высших духовных достижений многих поколений, если не создает условий для культурного воспитания народа на великих примерах героев и подвижников науки, искусства, религии» [1], – писал Дмитрий Сергеевич Лихачев – выдающийся ученый, автор фундаментальных

трудов, посвященных культуре, и в частности музейному делу. Общеизвестной считается та точка зрения, что данная сфера деятельности должна являться полем для приложения сил профессиональных знатоков и ценителей культурных ценностей.

Когда заходит речь о кадрах, обладающих специальной подготовкой, обычно огра-

ничиваются вопросом их профессиональной подготовки и почти никогда не вспоминают об их трудовой деятельности. Учебные заведения нечасто отслеживают дальнейшую судьбу и карьеру своих выпускников, не всегда интересуются тем, насколько они оказались востребованными, имеют ли возможность реализовать полученные знания. Между тем именно последний вопрос подчас не находит своего решения, поскольку знания могут оказаться бесполезными как для специалиста, так и для общества, взявшего на себя бремя расходов на его обучение. В подобной ситуации оказывается, как правило, определенная часть выпускников учебных заведений. К сожалению, изучение и анализ подобных фактов не привлекают пристального внимания исследователей, несмотря на их распространенность. Не стала в этом плане исключением и Кабардино-Балкария.

Впервые вопрос о необходимости привлечения в Кабардино-Балкарию искусствоведов-профессионалов был поставлен еще в 20-х годах прошлого столетия. Острая потребность в специалистах по истории изобразительного искусства возникла в связи с передачей в краеведческий музей Нальчика художественных ценностей из ленинградских и московских хранилищ Государственного музейного фонда и столичных музеев. Из-за отсутствия собственных искусствоведов для отбора предметов искусства были вынуждены пригласить человека со стороны, поскольку руководство поставило перед властями КБАО условие, чтобы отбор раритетов осуществлялся только знатоком искусства.

В одном из документов Ленинградского отделения Главнауки от 26 января 1926 г. отмечалось: «Ленинградское отделение Главнауки в свое время имело договоренность с представительством области в том, что весь отбор будет производить приглашенный на службу Кабардино-Балкарской областью специалист... В случае отсутствия специалиста прислать разрешение на приглашение такового в Ленинграде, причем Ленинградское отделение Главнауки имеет в виду приглашение не только на отбор музейных предметов, но и на постоянную работу по организации музея в Нальчике» [2, л. 37].

В тот период имелись специалисты, не

страшившиеся жизни в глухой провинции, и изъявлявшие свое согласие на переезд в Нальчик. Однако то ли из-за сопротивления тогдашнего заведующего краеведческим музеем Ермоленко, то ли из-за равнодушия областных властей, желающие работать в КБАО так здесь и не появились. Этим вопросом весьма серьезно, но практически безуспешно занимались на уровне, к примеру, заведующего Ленинградским отделением Главнауки В. Томашевского, руководителя музейного отдела Главнауки Г. Ятманова и представителя Кабардино-Балкарской автономной области при ВЦИКе Н. Макарова.

На протяжении нескольких десятилетий – вплоть до 60-х годов прошлого столетия в адрес властей Кабардино-Балкарии и в местный Союз художников приходили письма от искусствоведов, желающих работать в Нальчике. Так, к примеру, в 1959 г. искусствоведы Олег Черников (сотрудник Министерства культуры РСФСР) и его жена написали о своем желании работать в республике тогдашнему председателю Кабардино-Балкарского отделения Союза художников РСФСР В. Славникову. «Пишу именно Вам, – говорилось в письме, – потому что знаю – более всех в искусствоведстве заинтересован Союз художников, и Вы будете действовать. Возможно, приеду с семьей, и у вас сразу будет два искусствоведа» [4, л. 13].

Увы, надеждам его не суждено было осуществиться. В то же время в справке о состоянии развития изобразительного искусства в Кабардино-Балкарии председатель местного Союза художников (СХ) В. Славников жалуется: «В нашей республике нет ни одного искусствоведа. Пропаганда искусства поставлена очень плохо. Необходимо министерству культуры КБАССР привлечь к работе в своей системе хотя бы одного искусствоведа».

Между тем Художественный Фонд РСФСР систематически делал запросы относительно необходимых КБАО молодых специалистов с высшим образованием (живописцев, скульпторов, графиков, искусствоведов, монументалистов, художников театра и кино). Несмотря на кажущуюся простоту решения данной проблемы, существовал весомый камень преткновения – квартирный вопрос, с преодолением которого в Нальчике всегда были большие трудности. Потому в роли искусство-

ведов зачастую выступали сами художники. «Художественная выставка «Советская Кабардино-Балкария» прошла в большом светлом зале Дома Советов с 5 по 23 ноября... На выставке постоянно дежурили два художника, которые проводили экскурсии и отвечали на вопросы зрителей. Интересно прошла встреча художников со зрителями, в числе которых присутствовали студенты КБГУ, с которыми пришлось много дискутировать. Во всех местных газетах печатались материалы о выставке», – писал в своем отчете председатель местного отделения Союза художников Славников.

Основы национальной художественной школы в республике закладывались в 50-х гг. XX в., когда после окончания художественных училищ в регион возвратились первые группы молодежи, получившей профессиональное художественное образование. В течение 60-80-х гг. и позднее в искусство Кабардино-Балкарии вливались новые творческие силы. Несмотря на значительные успехи в развитии искусства, критическая мысль оставалась на очень низком уровне. Вместе с тем не следует забывать, что и возникла она значительно позднее, ведь до 60-х гг. в республике не было ни одного искусствоведа.

Однако это не означает, что художники Кабардино-Балкарии оставались вне критики – устную оценку их творчеству давали коллеги. Кроме того, участники всероссийских или всесоюзных смотров творчества художников эпизодически попадали в поле зрения столичных критиков. Эвакуировавшиеся в 1941 г. из Москвы в Нальчик крупные советские художники Грабарь, Туржанский, Файнберг, Чернышев, Менделевич, Сварог не только дали объективную оценку творчеству местных авторов, но и оказали им колоссальную творческую помощь. В 50-х гг. в центральной печати, в частности, в статьях крупных искусствоведов Езерской и Евсева упоминались имена художников Кабардино-Балкарии, представивших свои работы на всероссийских и всесоюзных выставках.

Мощный импульс к дальнейшему развитию изобразительного искусства Кабардино-Балкарии дали московские и ленинградские художники разного профиля, приехавшие в республику в связи с подготовкой к празднованию в 1957 г. 400-летия присоединения Ка-

барды к России.

В обсуждении эскизов работ кабардинских художников (балкарский народ в это время находился в ссылке в Средней Азии) принимал участие А. Шепелюк, начальник отдела изобразительного искусства Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР и известный график В. В. Богаткин. Они дали ценные советы и рекомендации как художникам, так и работникам Министерства культуры Кабардинской АССР. Гости объективно оценили состояние местного изобразительного искусства, детально проанализировали ошибки и просчеты художников, дали рекомендации Министерству культуры КАССР.

Юбилейную выставку, посвященную 400-летию присоединения Кабарды к России, демонстрировавшуюся в Москве во время декады республики в столице, посетили такие выдающиеся художники, как К. Ф. Юон, В. В. Журавлев, В. А. Фаворский. Они очень высоко оценили народное прикладное искусство кабардинцев и довольно доброжелательно отозвались о произведениях современных кабардинских художников.

Следует отметить, что состояние изобразительного искусства на периферии страны в советское время всегда было предметом повышенного внимания органов государственной власти. Проблемы становления и развития искусства автономных республик обсуждались на самых разных уровнях, чаще всего это были расширенные заседания выездных президиумов оргкомитета СХ РСФСР. К примеру, одно из них прошло в Орджоникидзе (Северная Осетия) и было посвящено вопросу состояния изобразительного искусства автономных республик Северного Кавказа и мерам помощи отделениям СХ. В резолюции комиссия отметила, что «изобразительное искусство в Дагестане и КБАССР в настоящее время находится на невысоком художественном уровне. Правления союзов мало заботились о подготовке национальных художественных кадров... Отсутствие художественных музеев в гг. Грозном и Нальчике, низкий культурный уровень пропаганды искусства в музее г. Орджоникидзе, неукомплектованность квалифицированными кадрами Дагестанского музея, недооценка отделениями СХ передвижных выставок для

глубинных районов республик, отсутствие систематического и квалифицированного освещения вопросов русского и советского изобразительного искусства и работ местных художников в периодической печати и т. д. – все это отрицательно сказывается на развитии изобразительного искусства в республике» (1959 г.) [4, лл. 39-42].

На основании глубокого анализа художественной ситуации в автономиях Северного Кавказа Президиумом оргкомитета СХ РСФСР было принято постановление, в котором, в частности, было заявлено:

«...в) Предусмотреть выделение штатной должности инспектора-искусствоведа для министерств культуры Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и ЧИАССР...». Подписано постановление членами президиума оргкомитета СХ РСФСР Грицаем А., Смирновым Б., Сокольниковым М. [4, л. 43].

16 мая 1959 г. Союзом художников РСФСР по результатам этого выездного заседания было направлено письмо первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. Мальбахову: «Направляем Вам резолюцию расширенного заседания выездного президиума оргкомитета СХ РСФСР в г. Орджоникидзе по вопросам о состоянии изобразительного искусства автономных республик Северного Кавказа и мерах помощи отделениям СХ.

Президиум оргкомитета СХ РСФСР просит Вас изыскать возможность рассмотреть вопрос о состоянии изобразительного искусства в Вашей республике и об оказании соответствующих мер помощи художникам.

Оргсекретарь оргкомитета СХ РСФСР Б. Смирнов».

Вскоре после этого в Нальчике открылся Музей изобразительных искусств и появились первые искусствоведы. Наконец, был решен вопрос, никогда не сходящий с повестки дня, рассматривавшийся и на местном уровне, и на заседаниях выездного президиума оргкомитета СХ РСФСР, посвященных состоянию изобразительного искусства автономных республик Северного Кавказа.

Изначально об открытии художественного музея в Нальчике заговорили еще в 20-х гг. XX в. одновременно с тем, как фонды Краеведческого музея пополнились замечательной художественной коллекцией из хра-

нилищ Государственного музейного фонда, куда были свезены экспроприированные советской властью предметы искусства, а также художественными сокровищами из московских и ленинградских музеев. Вопрос об организации художественного музея не сходил с повестки дня еще долгие годы. К примеру, один из пунктов Постановления Президиума Кабардино-Балкарского исполнительного комитета (10/1-1934 г.) гласит: «Возбудить перед Наркомпросом вопрос об организации в КБАО художественной галереи с использованием фондов центральных музеев и об ассигновании необходимых средств на организацию галереи» [3, л. 43]. Когда оказалось не под силу открытие художественного музея, было решено «считать необходимым организовать в музее (при переходе краеведческого музея в новое помещение – Ж. А.) художественный отдел, для чего приобрести соответствующие экспонаты (картины, макеты, скульптуры и т.п.), отражающие историю, быт и социалистическое строительство области» (Протокол заседания президиума облисполкома 9-го созыва) [3, л. 43].

Поскольку проблема долго не решалась, вновь и вновь властями Кабардино-Балкарии поднимался вопрос об открытии художественного музея: «...7. Поставить перед Наркомпросом вопрос о передаче облмузею в соответствии с постановлением ВЦИК от 20 августа 1934 года разного рода экспонатов – оригиналов и дубликатов из фондов центральных музеев, имеющих непосредственное отношение к Северному Кавказу и КБАО. 8. Возбудить перед Наркомпросом вопрос об организации в КБАО художественной галереи с использованием фондов центральных музеев и об ассигновании необходимых средств на организацию галереи» [3, л. 7].

В годы советской власти Москва была очень заинтересована в том, чтобы поддерживать тесные связи с периферией, получать информацию о положении дел в изобразительном искусстве в республиках Советского Союза. Из редакций журналов, посвященных изобразительному искусству, в Нальчик нередко приходили письма с предложением о сотрудничестве. К примеру, на имя председателя СХ КБАССР Славникова пришло письмо из журнала «Декоративное искусство СССР», под-

писанное главным редактором М. Шадуром: «В новом 1961 году редакция журнала «Декоративное искусство СССР» намечает широко освещать художественную жизнь республик, краев и областей. В связи с этим обращаемся с просьбой регулярно сообщать нам о событиях, происходящих в декоративном искусстве Вашей республики. Для специального раздела «Вести из республик» просим присылать информационный материал о выставках, обсуждении новых работ художников-прикладников, о творческих конференциях, юбилейных датах и т.п. Для непосредственной связи с редакцией журнала просим выделить ответственное лицо из числа членов секции декоративно-прикладного искусства, который являлся бы нашим внештатным корреспондентом».

Подобного рода предложение председателю правления Союза художников КБАССР Славникову прозвучало и в письме, полученном из СХ РСФСР: «Один из номеров журнала «Художник» будет посвящен Югу Российской Федерации, в который войдет материал о художниках КБАССР. Просим организовать следующий материал по Вашему отделению Союза художников: 1) Статью о работе художников Кабардино-Балкарского отделения (краткую историческую справку и, в основном, о подготовке к выставке «Советская Россия». Редактор Е. Можуховская» [7, л. 7]. К сожалению, предоставившиеся для Нальчика возможности так и не были реализованы, поскольку не было специалистов.

Письма шли и в обратном направлении. В начале 1960 года в оргкомитет СХ РСФСР и в редакцию журнала «Художник» поступила жалоба о том, что телевидение Кабардино-Балкарии подготовило передачу о выставке работ местных художников, о которой авторы письма отозвались, что «это был бестолково-нелепый набор слов» [6, л. 29]. И в оргкомитете СХ РСФСР и в журнале «Художник» были серьезно озабочены подобным сигналом и тут же отреагировали на него.

Невысокий уровень художественной критики в республике неоднократно становился предметом обсуждения также на заседаниях Кабардино-Балкарского обкома КПСС, к примеру, на том, что проходил 4-10 января 1964 года. На нем отметили: «Наличие се-

рьезных недостатков в содержании работы Кабардино-Балкарского отделения Союза художников объясняется еще отсутствием подлинно профессиональной искусствоведческой критики. Республиканские газеты, радио и телевидение редко и недостаточно квалифицированно освещают творческую работу художников и скульпторов» [9, л. 4].

Слабость художественной критики, зависимость от мнения людей, некомпетентных в вопросах культуры, сковывали творчество художников. О вульгарности требований к художественным произведениям свидетельствуют многочисленные документы того времени, дающие возможность восстановить ту атмосферу, в которой приходилось работать художникам. Вот какой характер носят замечания в одном из них: «Узел пионерского галстука сделать меньше. Левый конец галстука сделать короче, чем правый. Показать концы лент банта в косах». Речь идет отнюдь не о художественных достоинствах произведения. Такого рода «критика» нанесла немалый вред развитию духовной культуры края.

О зарождении профессиональной художественной критики можно говорить лишь в связи с открытием в 1960 году в Нальчике музея изобразительных искусств и с приездом в нашу республику двух искусствоведов Вадима Анатольевича Горчакова и Вениамина Андреевича Шлыкова. Наконец руководство республики было вынуждено пригласить в Нальчик искусствоведов, поскольку Министерство культуры РСФСР предварительно поставило условие, что для открытия художественного музея в республике нужно непременно иметь не менее двух искусствоведов. Делать было нечего, в Москву отправили заявку на двух специалистов. На этот призыв сразу откликнулись Горчаков и Шлыков. Первый из них - выпускник факультета истории и теории изобразительного искусства Ленинградского института имени Репина 1956 года, Шлыков окончил отделение искусствоведения Ленинградского госуниверситета. После получения высшего образования оба в течение четырех лет работали в Пермской художественной галерее.

Во вновь открытом музее изобразительных искусств сразу активно взялись за работу, начали тесно сотрудничать и с местным СХ. Об

этом свидетельствуют официальные письма руководства музея, адресованные председателю СХ КБАССР.

В 60-70-х сотрудники Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств неоднократно выступали на научно-практических конференциях самого высокого ранга. На вторую республиканскую конференцию по вопросам развития критики и искусствознания, проходившую в Ленинграде в 1962 г., СХ КБАССР командировал В. Шлыкова. Ему посчастливилось также принять участие в научно-практической конференции по обсуждению выставки автономных республик РСФСР), проходившей в Манеже в 1977 г., где он выступил с содокладом.

Изучая документы того времени, удивляешься тому, насколько заинтересованно относились в Советском Союзе к развитию искусства, как серьезно и добросовестно пестовали кадры творческих работников. Центр постоянно предоставлял периферии квоты в художественные училища и вузы. К примеру, председателю правления СХ КБАССР Славникову регулярно приходили письма из Министерства культуры КБАССР такого характера: «Мы получили два места в Ростовское училище. Прошу Вас просмотреть работы желающих учиться и дать нам мнение Союза. 16.VI.59 г. Певзнер» [8, л. 5]. Или: «Для подготовки национальных кадров послать в 1960 году в высшие и средние учебные художественные заведения 10-15 выпускников училищ и средних школ. Поручить Совету Министров КБАССР (т. Черкесову) рассмотреть вопрос об организации с 1960-1961 учебного года художественного класса в двух-трех школах-интернатах Кабардино-Балкарии» [10, лл. 71-73]. На общих собраниях Союза художников КБАССР в повестку дня регулярно включался вопрос «направить из коренных наций на учебу». Практически все кабардино-балкарские художники получили образование в художественных вузах и

училищах по брони [5, л. 30].

В. Горчаков и В. Шлыков были весьма подготовленными специалистами, однако их ожидало немало трудностей при реализации своих знаний. Основным жанром выступлений этих критиков были газетные рецензии на выставки, но, кроме того, за очень короткий срок и Горчакову и Шлыкову удалось написать и издать книги и каталоги по изобразительному искусству Кабардино-Балкарии. В. А. Горчаков свою книгу «Художники Кабардино-Балкарии» издал в 1964 году в Ленинграде. У В. Шлыкова увидели свет монография «Изобразительное искусство Кабардино-Балкарии» (1963 г.), «Путеводитель по музею изобразительных искусств КБАССР. Живопись, графика, скульптура» (1964 г.), «Каталог музея изобразительных искусств».

В. Горчаков и В. Шлыков с одной стороны, стремились объективно оценивать состояние изобразительного искусства Кабардино-Балкарии, а с другой, кое-когда должны были умерять свой пыл, чтобы не подвергнуться атаке со стороны художников, которые не всегда оставались в восторге от критических замечаний искусствоведов. Далеко не всегда были ими довольны чиновники и руководство музея. Потому наиболее талантливым искусствоведам приходилось покидать музей, что, конечно же, резко отрицательно сказывалось на его деятельности. В 70-80-х годах прошлого века здесь работали несколько искусствоведов, которые покинули его стены по разным причинам. С конца 80-х годов в музее не работал ни один искусствовед, однако эта проблема, в скорейшем решении которой, как представляется, должны быть заинтересованы и Министерство культуры КБР, и администрация художественного музея, к большому сожалению, до сих пор является существенным препятствием на пути к повышению качества работы одного из важнейших центров художественной жизни Юга России.

Использованная литература:

1. Лихачев Д. С. Недопустимо, чтобы чиновники спекулировали культурным достоянием // Новая газета. 1996. 11-17 января.
2. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 147.

References:

1. Likhachev D. S. It is inadmissible for officials to speculate on cultural property, *Novaya gazeta*, January 11, 1996.
2. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR)*, Fund R-8, Inventory 1, File 147.

3. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 66.

4. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 14.

5. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 15.

6. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 16.

7. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 17.

8. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-778. Оп. 2. Д. 7.

9. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Ф-1. Оп. 1. Д. 1224.

10. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Ф-1. Оп. 2. Д. 1116.

3. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund R-367, Inventory 1, File 66.*

4. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund R-778, Inventory 1, File 14.*

5. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund R-778, Inventory 1, File 15.*

6. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund R-778, Inventory 1, File 16.*

7. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund R-778, Inventory 1, File 17.*

8. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund R-778, Inventory 2, File 7.*

9. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund F-1, Inventory 1, File 1224.*

10. *Office of the Central State Archives of the Archival Services of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR), Fund F-1, Inventory 2, File 1116.*

Полная библиографическая ссылка на статью:

Аппаева, Ж. М. Из истории кадрового обеспечения музеев Кабардино-Балкарии [Электронный ресурс] / Ж. М. Аппаева // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 67–73. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Appaeva.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Appaeva, Zh. M., Iz istorii kadrovogo obespecheniya muzeev Kabardino-Balkarii (From the History of Staffing in the Museums of Kabardino-Balkaria), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 67–73. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Appaeva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ПЛИЕВА Маргарита Георгиевна

кандидат искусствоведения, преподаватель истории и обществознания, средняя общеобразовательная школа № 8, Владикавказ, Россия

Margarita G. PLIEVA

Cand. Sci. (Fine Arts, Crafts and Architecture),
Lecturer of History and Social Studies,
Secondary School No. 8,
Vladikavkaz, Russia
plievamargarita@mail.ru

**Ю. Н. Либединский и Кавказ:
к истории одного портрета**

Автор исследует малоизученные вопросы, связанные с вкладом советского литератора и одного из создателей Российской ассоциации пролетарских писателей Ю. Н. Либединского в исследование истории и культуры народов Кавказа. Своим творчеством он способствовал преодолению региональной обособленности, выравниванию профессионального уровня культур, обогащению многонациональной советской культуры. В статье прослежен жизненный путь писателя, выявлены основные вехи его творческой жизни. Автором изучена история появления прижизненного портрета Ю. Н. Либединского.

Ключевые слова: Юрий Либединский, Махарбек Туганов, литературная критика, советская литература, Кабарда, Северная Осетия, Кавказ.

**Yury N. Libedinsky and Caucasus:
to the Story of a Portrait**

The author investigates poorly studied issues related to the contribution of Yury N. Libedinsky, the Soviet writer and one of the founders of the Russian Association of Proletarian Writers, to the study of the history and culture of the peoples of the Caucasus. By his creative work he helped to overcome regional isolation, to balance the professional level of culture and to enrich the multinational Soviet culture. The article traces the biography of the writer, reveals the main milestones of his creative life. The author has studied the history of the creation of the lifetime portrait of Yury Libedinsky.

Keywords: Yuri Libedinsky, Maharbek Tuganov, literary criticism, Soviet literature, Kabarda, North Ossetia, the Caucasus.

Вклад Юрия Николаевича Либединского в исследование истории и культуры народов Кавказа остается неизученным. Между тем писатель свободно ориентировался в сложных процессах, происходивших в национальных литературах – от «армянской и грузинской, насчитывающих многие столетия, до кабардинской и адыгской, родившихся после революции» [3, с. 12].

Юрий Николаевич Либединский – русский советский писатель, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, корреспондент газеты «Правда», один из создателей

и руководителей РАПП, педагог, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, медали «За оборону Москвы», родился в Одессе, в семье врача, свое детство провел на Урале. В период Гражданской войны, будучи в колчаковском подполье, писатель «вел революционную пропаганду среди солдат. Его сатирическая поэма «Серый Патфиндер», переписывалась от руки, за что он был арестован и жестоко избит» [1, с. 34].

Известность Ю. Н. Либединскому принесла повесть «Неделя» – эта «революция глазами революции», как сказал о повести А.

Барбюс [2], была опубликована в московском альманахе «Наши дни» в 1922 г. В статье «Первая ласточка» высокую оценку произведению дал Н. И. Бухарин. Книга была переведена на многие языки.

Изучение творчества Ю. Н. Либединского для меня началось с черно-белой репродукции портрета писателя в монографии М. Хакима «Туганов – народный художник». Более позднее знакомство с литографией Г. С. Верейского привело к пониманию того, что оба портрета «обрамляют» творческую жизнь писателя от ее начала до заката.

После революции художник-график Г. С. Верейский, создал портретную галерею своих современников. Среди них и портрет Ю. Н. Либединского (1930). В облике писателя, в устремленном в будущее взгляде, в гриве откинутых назад волос ощущается «особенный подъем духа, выразившийся всегда в постоянном ощущении себя значительным звеном в общем ходе социалистической революции» [6, с. 33]. О времени, которое вошло в историю как «эпоха революционного романтизма», Ю. Н. Либединский писал: «Мы, в особенности молодые коммунисты, были уверены, что каким-то большим и дружным натиском, разом поднимем наше хозяйство, чуть ли не до уровня коммунизма» [6, с. 30].

Но полоса везения закончилась во второй половине 1930-х гг. Власть не простила ему доброго отзыва Н. И. Бухарина, как и повесть «Рождение героя», в которой Ю. Н. Либединский отразил процесс перерождения партийного аппарата в аппарат бюрократический. Писатель был исключен из партии за «связь с врагами народа», книги его были запрещены и изъяты из библиотек, ему едва удалось избежать ареста.

На войну он ушел добровольцем в ополчение, но вскоре стал фронтовым корреспондентом. Закончил Великую Отечественную войну в звании майора.

В 1930-е гг. Ю. Н. Либединский впервые приехал на Северный Кавказ, в Кабарду. Результатом его приезда было создание повести «Баташ и Батай», позже вошедшей в трилогию «Горы и люди».

Значительны его работы и в области литературной критики. Сборник с красивым названием «Об уважении к литературе» со-

держит статьи и выступления последних лет жизни писателя. Мы остановимся на разделе «По старым тропам и новым дорогам», где отражены его размышления о национальных литературах и писателях, о дружбе писателя с литераторами Северного Кавказа.

В статье «Заметки о кабардинской литературе» (1957) Ю. Н. Либединский пишет о просветителе и первом историке Ш. Ногмове, создателе кабардинской азбуки на основе русского алфавита. Предполагают, что русские поэты А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов слушали его рассказы о кабардинском народе, которые потом воплотили в своих произведениях при описания жизни черкесов; сказитель и писатель Б. Пачев на основе арабской письменности создал кабардинский алфавит; опальный учитель Нури Цагов в своей крестьянской избе организовал школу – «Цаговский университет»; Али Шогенцуков, работавший инспектором окружного отдела народного образования и директором колхозного университета явился основоположником советской кабардинской поэзии. Ю. Н. Либединский подчеркивает, что пьеса Хачима Теунова «Испытание» стала значительным событием в кабардинском искусстве, произведением об испытании на верность Родине, испытании честности, испытании тяжестью войны.

Завершая обзор кабардинской литературы, Ю. Н. Либединский пишет: «Нет ничего хуже для национальной культуры, как наличие среди ее деятелей людей, «не помнящих родства», таких, которые по своему невежеству считают, что они строят культуру на новом месте, и пренебрежительно относятся к своим предшественникам. Кабардинской писательской молодежи эта опасность не грозит» [4, с. 235]. Это открывает «широкие перспективы для полнокровного развития кабардинской литературы» [4, с. 247].

«Дорога к счастью» – так назвал писатель статью, посвященную обзору адыгейской литературы. Кавказ «стал второй родиной Юрия Либединского, писатели народов Кавказа – его кровными братьями». Он долго жил среди осетин, кабардинцев, дагестанцев, азербайджанцев и других народов Северного Кавказа. Их «жизнь и быт, их песни и сказки стали для него родными. Рядом с романами появились на книжных полках переводы Либедин-

ского, составленные им сборники, отредактированные им книги» [12, с. 12-13].

Ю. Н. Либединский писал: «Мне выпало счастье быть свидетелем великого исторического дела – на моих глазах впервые в истории человечества возникли литературы многих кавказских народов, до революции не имевших даже своей письменности. И потому, когда почтальон приносит аккуратно запакованные и перевязанные бечевкой подчас еще пахнущие свежей типографской краской книги моих друзей – писателей, живущих и работающих в кавказских республиках, сердце мое переполняется гордостью. Ведь каждая такая книга – еще одно свидетельство того небывалого чуда, которое ежедневно и ежечасно совершается на нашей советской земле».

К числу самых близких друзей Ю. Н. Либединский причисляет Т. М. Керашева, а его книгу «Дорога к счастью», одной из лучших книг в советской литературе. Т. Керашев, сохранив в своем творчестве первозданное дыхание народной поэзии, «поднялся до глубоко реалистического изображения человеческих страстей и чувств, до создания положительных типов советской эпохи» [4, с. 259].

Осетинской литературе Ю. Н. Либединский посвятил три статьи. О Коста Хетагурове пишут многие, но только у Ю. Н. Либединского удивительно красивые пейзажные зарисовки: «прекрасные и мрачные горные хребты, на склонах которых растут могучие, не тронутые топором леса, окружают котловину и горное селение Нар; в ясные дни длинный снеговой гребень Главного хребта сверкает высоко в небе...» [7, с. 271]. И только Ю. Н. Либединский проводит параллели между легендарными личностями, старшим и младшим современниками Коста. «В год, когда родился Коста Хетагуров, Шамиль прекратил войну с Россией и сдался в плен русским войскам. Шамиль в свои последние годы и Коста в свои первые – были современниками. Прошло десять лет с небольшим после того, как Шамиль отправился в священную для мусульман Мекку и умер там, у гроба Магомета. И молодой Коста предпринимает паломничество совсем в другом направлении – он едет на далекий север, в Петербург [7, с. 278]. И, продолжая проводить параллели, отмечает, что «Коста умер в 1906 году, а в 1909 году на Кавказ приехал Сергей Миронович

Киров. Для Коста «воедино сливались любовь к народу осетинскому и народу русскому – в этом смысле Коста чудесно предвосхищает собой тип гражданина Страны Советов, – писал С. М. Киров» [7, с. 290].

В статье «Славная плеяда» Ю. Н. Либединский пишет о том, что «не очень многочислен североосетинский народ, но вклад его в общую сокровищницу культуры советских народов весьма значителен» [9, с. 292]. В числе достижений осетинской национальной культуры особо отмечено было окончание стадии работ по собиранию, систематизации и переводу на русский язык произведений осетинского нартского эпоса. Нартские сказания свидетельствуют о богатстве народной культуры, давшей обильные плоды на той пусть и бесписьменной, но глубоко плодотворной почве.

«Кавказ в русской литературе издавна обозначал тему свободы, – Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Толстой слали Кавказу свои самые высокие мысли, самые святые чувства. И великой радостью для передового русского общества был тот момент, когда с Кавказа, словно эхо, отраженное его богатырской грудью, раздался голос Коста Левановича Хетагурова» – восторженно отмечает Ю. Н. Либединский [9, с. 292].

Вслед за Коста выступает целая плеяда осетинских писателей, родственных ему как в идейном, так и в художественном отношении: И. Кануков – основатель осетинской художественной прозы, который, принадлежа к княжескому роду, сформировался как писатель-обличитель. И хотя, по мнению Ю. Н. Либединского, «язык автора и не лишен некоторых своеобразных отступлений от обычного строя русского языка, значение очерков И. Канукова для дальнейшего роста осетинской культуры огромно. Сека Гадиев, сын бедняка, вошел в историю осетинской литературы как создатель басен, сюжеты которых взяты из осетинского фольклора, автор произведений художественной прозы на осетинском языке. Батырбек Туганов, сын генерала царской армии, – первый перевел на осетинский язык «Коммунистический манифест», работал в Москве. Арсен Коцоев – сын крестьянина из села Гизель – автор первого журнала на осетинском языке – «Колос» (1910). Цомак Гадиев,

сын Сека – поэт–публицист, участник революционных событий 1905 г., в предреволюционные годы отдавал дань эсеровской идеологии эпигонов народничества. За время советской власти написаны стихи и песни, прославляющие советскую родину.

Ю. Н. Либединский «особенно подробно останавливается на произведениях осетинских прозаиков, потому что в то время осетинский народ был на Северном Кавказе единственным, выдвинувшим целую школу художественной прозы» [9, с. 303]. Среди них: Елбыздыко Бритаев – создатель осетинской драматургии и осетинского национального театра; Добе Мамсуров – поэт, драматург, переводчик, мастер малой формы в художественной прозе; Езетхан Уруймагова – первая женщина писательница-осетинка.

В Северную Осетию Юрий Николаевич, уже известный писатель и переводчик, приехал в 1947 г. по приглашению Нартского Комитета [13]. В Комитет входили известные в Советском Союзе поэты, писатели, художники и среди них В. И. Абаев, С. А. Бритаев, В. Дынник, Ю. Л. Либединский, Н. Тихонов, М. С. Туганов, А. В. Джанаев, А.-Г. З. Хохов, переговоры о сотрудничестве велись с И. А. Орбели. Тогда и состоялось знакомство художника и писателя. В статье «Сказание о нартах» Юрий Николаевич вспоминал, что «среди людей, которые буквально всю жизнь посвятили благородному делу изучения нартского эпоса, следует вспомнить Народного художника Северо-Осетинской АССР Махарбека Туганова» [8, с. 263].

Махарбек Сафарович Туганов – Заслуженный художник Северо-Осетинской АССР и Народный художник ГССР, родился в семье ученого-ботаника. Профессиональное образование получил в Санкт-Петербургской Академии художеств, в мастерской И. Е. Репина и в Мюнхене, в школе А. Ашбе. Туганов «был человеком большой культуры, широкого круга знаний европейского и русского искусства, истории, этнографии, литературы» [11, с. 215].

Удивительны строки, емко характеризующие человека, гражданина, писателя Юрия Николаевича Либединского: «Гости с Кавказа – желанные гости в нашем доме. Словно вольный ветер кавказских ущелий проходит по моему кабинету, когда в нем раздастся гор-

танный говор осетин или шелестящая речь кабардинцев. В последние годы, когда болезнь делает для меня все более затруднительными дальние поездки, я с особенной радостью встречаю в Москве своих кавказских друзей. Азербайджан и Армения, Осетия и Кабарда, Адыгея и Дагестан! Сколько исхожено дорог, сколько незабываемых встреч и разговоров. Щедрое кавказское гостеприимство, счастлив тот, кто испытал его» [4, с. 248].

Вероятнее всего именно в эти годы был написан портрет Ю. Н. Либединского, человека близкого и дорогого Туганову, и замечателен он «не только своим разительным сходством с натурой», но и умением художника «раскрыть в портрете душевный мир изображаемого, его внутреннее психологическое содержание» [14, с. 49].

Из письма дочери писателя Л. Ю. Либединской автору статьи: «Приведу Вам несколько строк из письма моей мамы Л. Б. Либединской нашей бабушке (Т. В. Толстой) из Дзауджикау от 5 апреля 49 года: «Почти каждый день ходим к Туганову, он рисует портрет Юры. Тоже замечательный человек, кончал Академию художеств в Петербурге вместе с Левитаном и Малявиным. Сейчас ему 80 лет, он совершенно свободно, по 2-3 часа не присаживаясь, стоит за мольбертом и работает без очков. Живет он один, и все сам для себя делает – готовит, топит печи. Сохранил такую ясность ума, что и молодой позавидует. И помнит все поразительно до мельчайших подробностей. Очень добрый и милый человек».

Родителей моих связывала нежная дружба с осетинскими писателями, которые были гостями и в нашем доме. Я лучше всего помню Тотырбека Джатиева и его семью. Мы жили на Реданте летом 1947 г. всей семьей, папа тогда собирал и переводил Нартские сказания [3].

Тяжело опустившись в кресло, «патриарх советской литературы» слушает собеседника. Художник ничего не смягчил как во всем облике духовно близкого ему человека, так и в лице: немолодом, болезненном, неправильном и асимметричном, но очень цельном в своей породистости и монументальности. Несколькими штрихами под внешним спокойствием художник передал «неуспокоенность» сердца, в которое умещается «шар земной». И как завершающий аккорд – посвящение: «Дорогому

Юрию Николаевичу Либединскому от М. Туганова», 19 июля 1949 г. и подпись художника.

Он, романтик военного коммунизма, уже на склоне лет оценивая свои молодые годы, признавался: «Я далек от намерения объяснять наши успехи тем, что мы правильно вели партийную линию. Оглядываясь назад, я вижу, что мы сделали много существенных ошибок... что говорить...» [10, с. 39].

Судьба Юрия Николаевича Либединского, как и судьбы тех, о ком он писал, были

неотделимы от бурной истории века и такой противоречивой судьбы Родины. Но эти люди умели «вдохновенно и страстно откликнуться на переживания народа», и, наконец, испытав разочарование и гонения, они не «отомстили жизни, а одарили ее», посвятив ей свое незабываемое творчество. Именно этим неисчерпаемым вкладом в многонациональную культуру России запомнился современникам и потомкам Юрий Николаевич Либединский – «человек для людей», эрудит и гуманист.

Использованная литература:

1. Капитонова Н. А. Либединские // Исторические чтения: м-лы науч. конф. «Культура Челябинска: поиски и находки» (1998) / ред.-сост. Э. Б. Дружинина. Челябинск, 2000. Вып. 5. С. 104 – 117
2. Капитонова Н. А., Либединский Ю. Н. [Электронный ресурс] // Писатели земли Уральской: проект централизованной системы детских и юношеских библиотек г. Озерска и Челябинской областной детской библиотеки. URL: <http://pisateli.ch-lib.ru/tin/libedinskii/index.html> (дата обращения: 02.02.2016).
3. Либединская Л. Ю. Письмо автору статьи М. Г. Плиевой, осень 2011 г. Архив автора.
4. Либединский Ю. Н. Дорога к счастью // Либединский Ю. Н. Об уважении к литературе. М.: Советский писатель, 1965.
5. Либединский Ю. Н. Заметки о кабардинской литературе // Либединский Ю. Н. Об уважении к литературе. М.: Советский писатель, 1965.
6. Либединский Ю. Н. Как я писал свою первую повесть // Либединский Ю. Н. Об уважении к литературе. М.: Советский писатель, 1965.
7. Либединский Ю. Н. Коста Леванович Хетагуров // Либединский Ю. Н. Об уважении к литературе. М.: Советский писатель, 1965.
8. Либединский Ю. Н. Сказания о нартах // Либединский Ю. Н. Об уважении к литературе. М.: Советский писатель, 1965.
9. Либединский Ю. Н. Славная плеяда // Либединский Ю. Н. Об уважении к литературе. М.: Советский писатель, 1965.
10. Либединский Ю. Н. Современники: воспоминания. М.: Советский писатель, 1961.
11. Плиева В. Встречи с М. Тугановым // М. С. Туганов. Литературное наследие. Ордж.: Ир, 1977.
12. Стальский Н. Человек для людей: вст. ст. // Либединский Ю. Н. Об уважении к литературе. М.: Сов писатель, 1965.
13. Трудовое соглашение, составленное между Северо-Осетинским Нартским Комитетом в лице С. А. Бритаева и членом Союза Советских Писателей СССР Ю. Н. Либединским // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия Алания. Ф. 126. Оп. 3. Д. 1. Л. 64.
14. Хаким Муса. Махарбек Туганов – Народный художник. Орджоникидзе: Ир, 1962.

References:

1. Kapitonova, N. A., Libedinskies (Libedinskies), in *Istoricheskie chteniya: Proc. Sci. Conf. "Kul'tura Chelyabinska: poiski i nakhodki" (1998)* (Chelyabinsk Culture: Search and Findings (1998)), vol. 5, Druzhinina, E. B., Ed., Comp., Chelyabinsk, 2000, pp. 104-117.
2. Kapitonova, N. A., Libedinskiy Yu. N. (Yury N. Libedinskiy) in *Pisateli zemli Ural'skoy: proekt tsentralizovannoy sistemy detskikh i yunosheskikh bibliotek g. Ozerska i Chelyabinskoy oblastnoy detskoy biblioteki*. URL: <http://pisateli.ch-lib.ru/tin/libedinskii/index.html>. Accessed February 2, 2016.
3. Libedinskaya, L. Yu., Pis'mo avtoru stat'i M. G. Plievoy, osen' 2011 goda (Letter to M. G. Plieva, the Author of the Article, Autumn 2011), *Author's Archive*.
4. Libedinskiy, Yu. N., Doroga k schast'yu (The Road to Happiness), in *Libedinskiy, Yu. N., Ob uvazhenii k literature*, Moscow: Sovetskiy pisatel', 1965.
5. Libedinskiy, Yu. N., Zametki o kabardinskoy literature (Notes on the Kabardian literature), in *Libedinskiy, Yu. N., Ob uvazhenii k literature*, Moscow: Sovetskiy pisatel', 1965.
6. Libedinskiy, Yu. N., Kak ya pisal svoyu pervuyu povest' (How I Wrote my First Story), in *Libedinskiy, Yu. N., Ob uvazhenii k literature*, Moscow: Sovetskiy pisatel', 1965.
7. Libedinskiy, Yu. N., Kosta Levanovich Khetagurov (Kosta Levanovich Khetagurov), in *Libedinskiy, Yu. N., Ob uvazhenii k literature*, Moscow: Sovetskiy pisatel', 1965.
8. Libedinskiy, Yu. N., Skazaniya o nartakh (Legends about Narts), in *Libedinskiy, Yu. N., Ob uvazhenii k literature*, Moscow: Sovetskiy pisatel', 1965.
9. Libedinskiy, Yu. N., Slavnaya pleyada (Glorious Pleiade), in *Libedinskiy, Yu. N., Ob uvazhenii k literature*, Moscow: Sovetskiy pisatel', 1965.
10. Libedinskiy, Yu. N., Sovremenniki: vospominaniya (Contemporaries: Memories), Moscow: Sovetskiy pisatel', 1961.
11. Plieva, V., Vstrechi s M. Tuganovym (Meetings with M. Tuganov), in *M. S. Tuganov. Literaturnoe nasledie*, Ordzhonokidze: Ir, 1977.
12. Stal'skiy N. Chelovek dlya lyudey, in *Libedinskiy, Yu. N., Ob uvazhenii k literature*, Moscow: Sovetskiy pisatel', 1965.
13. Trudovoe soglasenie, sostavlennoe mezhdru Severo-Osetinskim Nartskim Komitetom v litse S. A. Britaeva i chlenom Soyuzo Sovetskikh Pisateley SSSR Yu. N. Libedinskim

(The Labor Agreement Drawn Up Between the North Ossetian Nart Committee through S.A. Britaev and the Member of the Union of Soviet Writers of the USSR Yu. N. Libedinsky). *Central State Archives of the Republic of North Ossetia Alania* (TsGARSOA), Fund 126, Inventory 3, File 1, sheet 64.

14. Khakim, M., *Makharbek Tuganov – Narodnyy khudozhnik* (Makharbek Tuganov - People's Artist), Ordzhonikidze: Ir, 1962.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Плиева, М. Г. Ю. Н. Либединский и Кавказ: к истории одного портрета [Электронный ресурс] / М. Г. Плиева // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 74–79. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Plieva.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Plieva, M. G., Yu. N. Libedinskiy i Kavkaz: k istorii odnogo portreta (Yury N. Libedinsky and Caucasus: to the Story of a Portrait), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 74–79. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Plieva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

ВАСИЛЬЕВ Игорь Юрьевич

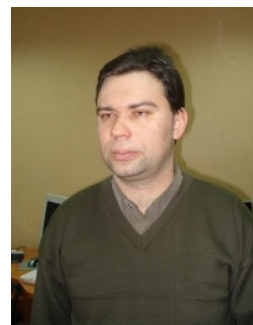
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра традиционной культуры
Кубанского казачьего хора,

Краснодар, Россия

Igor Yu. VASILYEV

Cand. Sci. (National History), Senior Researcher,
Research Center for Traditional Culture, Kuban Cossack Choir,
Krasnodar, Russia

ivasee@mail.ru

Вечное послесказание

Рец. на книгу:

Послесказание / под общ. ред. С. А. Лёвина,
О. О. Карслидис. Краснодар: Традиция, 2016. –
208 с. : ил., ISBN 978-5- 91883-238-7.

Eternal Epilogue

Review of the book:

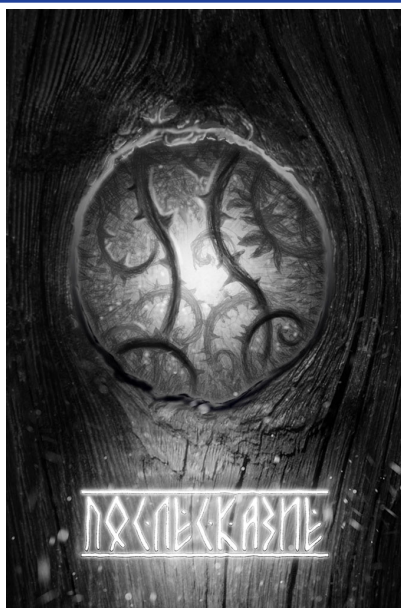
Posleskazye (Epilogue), Lyevin, S. A.
and Karslidis, A. A., Eds., Krasnodar:
Tradition, 2016, 208 p., ISBN 978-5-91883-238-7.

В рецензии анализируется новый издательский проект «Послесказание», подготовленный группой молодых кубанских авторов. Основу проекта составила современная интерпретация народных и авторских сказок. Рецензент отмечает, что проект вызывает интерес у самой широкой публики – от рядовых читателей до фольклористов и теоретиков современной русской литературы, что означает, что русские народные сказки по-прежнему актуальны и востребованы. На фоне снижения интереса к чтению классические произведения весьма успешно конкурируют с современной литературой, популярность приобретают различные ремейки и фанфики, к числу которых отчасти относится рецензируемая книга.

Ключевые слова: фольклор, современная сказка, волшебная сказка, сказочный сюжет, мифология.

In the review a new publishing project «Poszkazie» is analyzed. It was prepared by a group of young Kuban authors. The basis of the project was a modern interpretation of folk and author's tales. The reviewer notes that the project attracts interest from the general public, from ordinary readers to folklorists and theorists of contemporary Russian literature. It means that Russian folk tales are still relevant and popular. Against the backdrop of a decline in interest in reading, classical works compete very successfully with modern literature. A strong popularity is gained by the various remakes and fanfics, to which the reviewed book is partly related.

Keywords: folklore, modern fairy tale, fairy tale, fairy story, mythology.

Прозаический сборник «Послесказие» представляет собой собрание новелл на мифологические и мистические темы, весьма разнообразных по форме и содержанию.

Автор идеи новой книги анапский литератор Сергей Александрович Левин так рассказывает об обстоятельствах появления необычного издательского продукта: «Катализатором рождения идеи литературно-художественного проекта «Послесказие» послужил один из сборников, составленных популярным английским писателем Нилом Гейманом, известным любовью к объединению под единой обложкой авторов со всего мира. Очередное его тематическое издание, попавшееся мне в руки, было посвящено классическим сказкам – как народным, так и авторским, переиначенным на новый лад. Тогда и появилась мысль сделать аналогичный сборник, только взяв за основу те самые русские народные сказки, на которых воспитывались многие поколения отечественных прозаиков и поэтов. Фольклорные истоки при желании можно найти в сюжетах произведений практически всех современных писателей, обращающихся к сказочным коллизиям как намеренно, так и бессознательно.

Проект объединил авторов – профессионалов и любителей – как из кубанских городов (Краснодар, Новороссийск, Крымск, Анапа), так и из Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова и даже черногорской Будвы. Примечательно, что участники проекта, не сговариваясь, выбрали для интерпретации разные сказки. Но есть и

весьма символические «повторы». Так только «Колобок» предстал в «Послесказии» трижды: в ипостасях новорусской экзистенциально-бандитской саги («Беляш Монте-Кристо» Льва Рыжкова), злободневного алко-трипа («Колобок на малой родине» Алексея А. Шепелева) и философской шутки («Колобухин-экзистенциалист» Андрея Голоты). Среди жанров, к которым обратились участники сборника, оказались мистический триллер, политическая сатира, полицейский хоррор, герметичный фантастический этюд, угрюмая «социалка», упражнение в постструктурализме и даже комикс.

Многие сказочные сюжеты относятся к категории древнейших, уходящих в древнекаменный век. Например, сказки о животных. Первоначальные их истоки – мифология, например, относятся к тотемизму и мифах о трикстерах. Однако сказки – это далеко не первоначальные мифы. Они со временем упростились, оторвались от ритуальной и идеологической практики. Их функция стала скорее развлекательной. Отсюда появление многих занимательных деталей, фантастических и пр. Сказочные сюжеты продолжали изменяться и дальше. Они переходили в авторскую художественную литературу. Причём в самую разнообразную: в «Илиаду» и «Энеиду» античности, в новоевропейские басни и готический роман, в мистическо-го реализма Латинской Америки и Африки, эпическое фэнтези Толкиена. Ведь архетипы, на которых основаны древнейшие сюжеты, вписаны в психо-физиологическую основу человека. И человек всегда будет к ним возвращаться, пусть и в разных формах.

Не стала исключением и наша кубанская земля: копилка эпох, торговых путей и народов. Из наслаивающихся друг на друга событий уходило сиюминутное. Оставалось вечное, неизменное и общее. О чём и говорит сборник «Послесказие».

Некоторые авторы используют элементы сказочной образности для расцветивания новоевропейских сюжетов (Юлия Клиндухова), другие используют исторические и бытовые реалии для оформления текстов с достаточно традиционными мифологическими сюжетами (Лев Рыжков). Иван Карасёв соединил изменённую сказочную образность

с мифолого-фантастическим сюжетом в духе Клюевского песни-сна, изложенного в прозе.

Проект «Послесказие», рассказывает А. Левин, не имеющий аналогов в России, по сути, выполняет двойную функцию. Во-первых, он демонстрирует, во что со временем может трансформироваться народная сказка, а также какие интерпретации она может породить. Во-вторых, он, несомненно, вызывает у читателя живой интерес к первоисточникам, тем самым популяризируя их, привлекая внимание к оригинальным фольклорным текстам, послужившим основой подчас самых неожиданных трактовок.

Немаловажную функцию в сборнике играет его оформление: к каждому рассказу подготовлена эксклюзивная иллюстрация, дополняющая текст и выводящая его на новый уровень восприятия, добавляя вербальное визуальным. Обложка и львиная доля атмосферных иллюстраций принадлежат перу молодого анапского художника Ильи Копанева, в марте этого года принятого в Союз художников Кубани. Также графические работы подготовили Ольга Шевлякова, Дарья Тоцкая и Валентина Кочубей.

В настоящее время в разработке у редакционной коллегии, сформировавшейся во время подготовки книги к изданию, находятся

несколько идей о продолжении проекта. Это и подготовка спецвыпуска, адресованного теперь уже исключительно детской аудитории, и выпуск второго тома «Послесказия» с участием более широкого круга авторов, и создание тематических сборников иного, но, тем не менее, близкого жанра – например, так называемых «городских легенд».

Уже сейчас очевидно, что проект вызывает интерес у самой широкой публики – от рядовых читателей до фольклористов и теоретиков современной русской литературы, а это значит, что русские народные сказки по-прежнему актуальны и востребованы, и при благоприятных обстоятельствах рожденное на Кубани «Послесказие» будет иметь долгую и яркую жизнь».

Современные книжные проекты становятся всё менее востребованными. Читают всё меньше и меньше. Одновременно классика весьма успешно конкурирует с современной литературой. Всё более востребованными становятся ремейки и фанфики. К их числу отчасти относится и эта книга, но здесь в качестве объекта для подражания выступает народное прозаическое творчество.

Наше кубанское «Послесказие» одно из воплощений вечно меняющего шкуру неизменного.

Использованная литература:

1. Послесказие / под общ. ред. С. А. Лёвина, О. О. Карслидис. Краснодар: Традиция, 2016.

References:

1. *Posleskazye* (Epilogue), Lyevin, S. A. and Karslidis, A. A., Eds., Krasnodar: Tradition, 2016.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Васильев, И. В. Вечное послесказие [Электронный ресурс] / И. В. Васильев // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 80-82. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Vasilyev_rew.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Послесказие / под общ. ред. С. А. Лёвина, О. О. Карслидис. Краснодар: Традиция, 2016. – 208 с.

Full bibliographic reference to the article:

Vasilyev, I. V., *Vechnoe posleskazie* (Eternal Epilogue), Review of the book: *Posleskazye* (Epilogue), Lyevin, S. A. and Karslidis, A. A., Eds., Krasnodar: Tradition, 2016, *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 80-82. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Vasilyev_rew.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 3 (7)
2016

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 28

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

Т. В. Коваленко

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, А. А. Гуцалов

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: А. В. Крюков.

Редактура аннотаций на английском языке:

А. В. Крюков.

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Номер сверстан: 14. 09. 2016

Размещен в сети Интернет: 29. 09. 2016

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297

Усл. печ. л.: 9, 702

Уч.-изд. л.: 7, 16

Размер файла в формате pdf: 10, 739 Mb